Карлъ Каутскій.

Національное государство, имперіалистское государство и союзъ государствъ.

Авторизованный переводъ Т. Р.

МОСКВА.—1917.

Offsite
JC
348
.K17
1917s

Типо-Литографія Т./Д. „И. Ефимовъ, Н. Желудкова и К°“. Б. Якиманка, 32.

1. О демократіи и національномъ государствѣ.

Къ сожалѣнію, мы теперь снова переживаемъ такое время, когда въ интересахъ ясности необходимо начинать съ азбуки. Многіе соціалдемократы заявляютъ, что все, что мы знали до сихъ поръ, оказалось либо мишурой, либо устарѣлымъ, что оно не соотвѣтствуетъ болѣе существующимъ порядкамъ и что давно пора сдать это «либеральное наслѣдство» въ «музей историческихъ рѣдкостей».

Къ этимъ, якобы, отжившимъ взглядамъ отнесенъ также принципъ, на который ссылается фракція рейхстага въ своей декларацiи отъ 4-го августа: «всякій народъ имѣетъ право на національное самоопредѣленіе».

Этотъ принципъ встрѣчаетъ теперь возраженія со стороны нѣкоторыхъ товарищей. Мы должны всесторонне выяснить себѣ его, ибо ему въ будущихъ мирныхъ переговорахъ суждено сыграть крупную роль.

Въ статьѣ въ «Chemnitzer Volksstimme» отъ 8-го декабря А. Виннигъ заявляетъ, что этотъ принципъ «первоначально не былъ соціалистическимъ принципомъ, и рабочее движеніе заимствовало его, среди многаго прочаго, изъ духовнаго арсенала буржуазно-революціоннаго періода XIX ст.». По его мнѣнію, это требованіе не имѣетъ ничего общаго съ научнымъ соціализмомъ.

«Ни современныя территоріальныя границы, ни безусловное право каждой націи на абсолютную самостоятельность не могутъ послужить соціализму основой для политическаго переустройства міра. Поскольку соціализму удастся повліять послѣ войны на переустройство міра, онъ долженъ будетъ, какъ всегда, при выборѣ линіи поведенія руководствоваться общими тенденціями развитія и интересами пролетаріата.

А развитіе государственности идетъ теперь, несомнѣнно, по пути къ крупному государству».

Этотъ взглядъ встрѣтилъ сочувствіе какъ въ правомъ, такъ и въ лѣвомъ лагерѣ. Издающійся въ Карлсруэ «Volksfreund» съ видимымъ сочувствіемъ перепечаталъ статью выходящаго въ Галле «Volksblatt». Тамъ, между прочимъ, сказано:

«Лассаль въ своей брошюрѣ объ итальянской войнѣ 1859 г. говоритъ, что существованіе демократіи немыслимо безъ независимаго національнаго государства. Мы несогласны съ этимъ. Почему такое государство, какъ Германія, въ которой, кромѣ нѣмцевъ, живутъ еще поляки, датчане, французы, не могли бы имѣть демократическаго правленія? Почему Германія въ своемъ теперешнемъ не чисто національномъ составѣ не могла бы стать демократической страной, безъ того, чтобы 12 милл. австрійскихъ нѣмцевъ вошли въ ея составъ? Осуществленію идей демократіи— полнаго равноправія всѣхъ ея гражданъ—мѣшаютъ не національныя различія и противоположности, а классовыя противорѣчія».

Но, тѣмъ не менѣе, продолжаетъ авторъ статьи, взгляды Лассаля въ 1859 г. нельзя признать безсмысленными. Они находили себѣ оправданіе въ томъ, что Германія и Италія нуждались въ то время въ государственномъ объединеніи. Но съ тѣхъ поръ капитализмъ чрезвычайно развился и значительно увеличилъ свои производительныя силы.

«До такихъ необычайныхъ размѣровъ, что ему стали тѣсны рамки національнаго государства. Уже давно міровое положеніе государствъ стало руководящимъ стимуломъ политики. Это означаетъ, что каждое крупное государство стремится прорвать свои границы, должно стремиться къ этому, ибо—при капиталистической системѣ—дальнѣйшее развитіе мірового хозяйства, дальнѣйшій ростъ производительныхъ силъ невозможенъ».

Въ послѣднемъ предложеніи авторъ забылъ, очевидно, поставить передъ словами: «болѣе невозможенъ» слова: «въ предѣлахъ современныхъ границъ», или «въ рамкахъ національнаго государства», безъ которыхъ его послѣдняя мысль теряетъ свой смыслъ.

Мы не отрицаемъ того, что въ этихъ взглядахъ есть много вѣрнаго. Но тѣмъ сильнѣе опасность, что крупныя ошибки, заключающіяся въ нихъ, могутъ, оставаясь незамѣченными, оказать роковое вліяніе на нашу пропаганду.

Чтобы разобраться въ нихъ, мы должны лишній разъ выяснить себѣ сущность демократіи.

Демократія также стара, какъ исторія человѣчества. Ея первыми организованными формами были кочевыя орды,

рѣшавшія свои дѣла отчасти по традиціямъ и привычкамъ, отчасти по усмотрѣнію свободно избранныхъ опытныхъ вождей, отчасти по постановленіямъ собраній всѣхъ членовъ орды. Само собой разумѣется, что всѣ члены орды могли столковаться между собой, что у нихъ всѣхъ былъ одинъ общій языкъ. Если иногда плѣнныя женщины говорили на другомъ языкѣ, то онѣ, конечно, не представляли собой демократическаго элемента. Общность языка имѣетъ такую же историческую давность, какъ и демократія. Т.-е. всѣ живущіе въ предѣлахъ одной и той же демократической общины говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ. Но не обратно: не всѣ говорящіе на одномъ и томъ же языкѣ объединены въ одну общину. Въ человѣческой исторіи мы находимъ достаточно доказательствъ этому.

Пока не была изобрѣтена и привита въ массахъ грамота, пока развитіе средствъ сообщенія еще стояло на низкой ступени, къ услугамъ демократіи было только устное слово. Этимъ были положены опредѣленныя границы величинѣ и численному количеству отдѣльной демократической общины, и произвольно прервать ихъ она не имѣла возможности. Народное собраніе являлось высшей демократической инстанціей, и границы области должны были быть настолько сужены, чтобы была возможность всѣмъ членамъ общины регулярно посѣщать эти собранія. Съ другой стороны, они не должны были стать настолько многочисленными, чтобы часть посѣтителей не была въ состояніи слѣдить за ходомъ его. Ни одна примитивная демократія не простиралась, поэтому, дальше сельской или городской общины.

На этой ступени развитія стать болѣе обширнымъ государствомъ удавалось только наиболѣе выдающимся по силѣ или выгодному расположенію общинамъ—кочевымъ племенамъ или городской общинѣ—путемъ подчиненія себѣ сосѣднихъ племенъ или общинъ и обложенія ихъ данью, при чемъ подчиненныя общины сохраняли обычно свое полное самоуправленіе во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ. Демократія можетъ такимъ образомъ стать основой деспотизма въ государствѣ, что наблюдается на Востокѣ еще по настоящее время. Еще Энгельсъ указывалъ на то, что абсолютизмъ базируется на демократіи сельской общины.

Такъ какъ каждая община продолжаетъ самостоятельно завѣдывать своими внутренними дѣлами, то нѣтъ необходимости, чтобы всѣ общины, входящія въ государство, имѣли одинъ общій языкъ. Достаточно, если нѣсколько предста-

вителей отъ каждой умѣютъ объясняться на языкѣ господствующихъ.

Общность языка господствуетъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ демократическихъ организацій. Диктатура господствующаго распространяется на области съ разноязычнымъ населеніемъ. Въ этой стадіи границы государства опредѣляются исключительно степенью силы стремящейся къ завоеваніямъ общины. Только военная мощь господствующей общины образуетъ государство, которое, благодаря этому, можетъ весьма быстро принять чрезвычайные по величинѣ размѣры. Но стоитъ только ослабѣть этой силѣ, какъ государство такъ же быстро идетъ на убыль. Даже въ новой исторіи мы видимъ примѣры подобнаго быстраго расширенія государствъ.

Стремительное расширеніе Россіи на востокѣ и югѣ, начиная съ 17 столѣтія, а также завоеваніе большей части восточной Индіи Англіей въ 18 столѣтіи не были бы возможны, если бы въ этихъ странахъ не господствовала примитивная демократія общины во главѣ съ военнымъ абсолютизмомъ, служащимъ связующимъ элементомъ государства. Россія, благодаря этому, занимаетъ территорію почти вдвое большую территоріи всей Европы, а Великобританія обязана, главнымъ образомъ, Индіи количествомъ своего народонаселенія, почти достигающимъ размѣровъ всей Европы. Европа насчитываетъ 443 милл. жителей, а Великобританія—448 милл., три же четверти изъ этого числа живетъ въ Остъ-Индіи. Россія охватываетъ круглымъ счетомъ 150 національностей; еще многочисленнѣе нарѣчія въ Индіи.

Но въ томъ же промежуткѣ времени, въ которомъ выросли эти обѣ гигантскихъ имперіи, сложились также и матеріальныя условія, дающія возможность демократіи выйти за предѣлы сельской или городской общины и занять господствующее положеніе въ крупномъ государствѣ, т.-е. замѣнить примитивную демократію современной. Это достигалось развитіемъ средствъ сообщенія, печатнаго искусства и распространеніемъ грамоты. Явилась, наконецъ, возможность объясняться со всѣми, кто говорилъ на одномъ языкѣ, безъ необходимости личнаго соприкосновенія. Устно обращенное къ народу слово все болѣе вытѣснялось письменнымъ, а главное печатнымъ словомъ. Прежняя привилегія узкаго слоя образованныхъ людей, духовное общеніе между собой, стало теперь достояніемъ массъ. Общая письменная рѣчь со своей стороны оттѣсняла на задній планъ разнообразіе діалектовъ, что еще болѣе способствовало

росту и интенсивности духовнаго общенія между людьми, говорящими на одномъ языкѣ. Одновременно слагалось современное крупное государство съ централизованной бюрократіею и таможенной границей. Въ началѣ, благодаря этому, усиливалась центральная государственная власть и постепенно становилась абсолютной. Но развитіе средствъ сообщенія и прессы давало населенію всего государства все больше возможности слѣдить за дѣйствіями и упущеніями центральной власти, обсуждать и критиковать ихъ. Дѣйствія центральной власти пріобрѣтали все большій интересъ для каждаго въ отдѣльности. Область вліянія государственной власти все возрастала. Отсюда возникло стремленіе оказывать на нее вліяніе путемъ выборныхъ представителей, подлежащихъ контролю массы. Такимъ образомъ сложилась современная демократія, наиболѣе существенными признаками которой являются парламентаризмъ, пресса и охватывающія все государство сильныя партійныя организаціи. Нѣтъ ничего легче, какъ наводить критику на эти учрежденія, ничего труднѣе, какъ современной демократіи обходиться безъ нихъ.

Особенно рѣзкимъ нападкамъ подвергается постоянно праламентаризмъ и почти такъ же стары, какъ и онъ, повторяющіяся увѣренія, что онъ пережилъ себя и долженъ быть замѣненъ болѣе усовершенствованной системой демократіи. Къ ней относится также прямое законодательство черезъ народъ и энергичная разновидность его, массовая забастовка. Оба могутъ оказать крупное историческое вліяніе, но исключительно, какъ опора парламентаризму, если механизмъ послѣдняго временно приходитъ въ разстройство: замѣнить его они не въ состояніи. Рѣшительные противники парламентаризма, анархисты, дѣйствительно, вполнѣ послѣдовательны, когда, желая освободиться отъ него, провозглашаютъ господство общины и раздѣленіе государствъ на цѣлый рядъ суверенныхъ общинъ. Они этимъ наглядно обнаруживаютъ всю примитивность этой демократіи, отрицающей систему представительства, и всю реакціонность ея стремленій.

Органомъ политики, какъ всякой общественной дѣятельности вообще, является языкъ. Я на свою партію только тогда могу оказывать вліяніе, если я владѣю ея языкомъ, мое вліяніе можетъ быть тѣмъ сильнѣе—при прочихъ равныхъ условіяхъ—чѣмъ лучше я владѣю этимъ языкомъ. Если въ предѣлахъ одного государства говорятъ на нѣсколькихъ языкахъ, то политическому дѣятелю, прессѣ или партіи почти нѣтъ возможности обращаться сразу ко

всему народу, каждый имѣетъ дѣло только съ частью его. Даже такая интернаціональная партія, какъ соціалдемократическая, принуждена была раздробиться въ Австріи на различныя партійныя организаціи, которыя другъ друга не понимаютъ и сфера вліянія которыхъ ограничивается только частью живущаго въ государствѣ пролетаріата.

Сотрудникъ марксистскаго органа въ Галле спрашиваетъ, почему въ Германіи, населенной, кромѣ нѣмцевъ, также поляками, датчанами, французами, невозможно осуществленіе полной демократіи. Но какъ бы убѣдительно, настойчиво и разумно не обращались на своемъ языкѣ къ намъ польскіе политическіе дѣятели или польская пресса, они, пожалуй, окажутъ вліяніе на поляковъ, живущихъ внѣ предѣловъ Германіи, но никогда ихъ вліяніе не можетъ простираться на нѣмецкій народъ. Сущность же демократіи заключается именно во вліяніи на народъ и черезъ народъ.

Въ демократической странѣ съ единой національностью всѣ политики и партіи имѣютъ только одну возможность усилить свое вліяніе въ государствѣ—это пропаганда своихъ идей въ народѣ, вербовка послѣдователей этихъ идей. Въ государствѣ національностей никто не можетъ проявить свое вліяніе на весь народъ, его пропаганда касается только ограниченнаго числа говорящихъ на одномъ съ нимъ языкѣ. Чѣмъ значительнѣе это число, тѣмъ сильнѣе его вліяніе въ государствѣ. Такимъ образомъ, благодаря развитію демократіи и борьбѣ партій, въ государствѣ національностей, одновременно съ пропагандой идей, проявляется въ отдѣльныхъ партійныхъ организаціяхъ различныхъ національностей стремленіе привлечь изъ общаго состава населенія по возможности больше народа на сторону своей національности, т.-е. сдѣлать ему доступнымъ свой языкъ,—для чего учреждаются соотвѣтствующія школы. Результатомъ является раздробленность, фальсификація демократіи: ея позиція по отношенію къ централизованной государственной власти ослабѣваетъ, благодаря борьбѣ націй внутри государства.

Слѣдуетъ также принять во вниманіе еще одно свойство демократіи. Она означаетъ не только подчиненіе государственной власти народу, но и равноправіе каждаго въ отдѣльности по отношенію къ государственной власти. Этому принципу въ государствѣ національностей также наносится ущербъ. Каждое современное государство нуждается въ единомъ управленіи и единомъ языкѣ для него. Трудно представить себѣ современное государство безъ государственнаго языка, кото-

рый понимали бы и на которомъ говорили бы по меньшей мѣрѣ во всѣхъ высшихъ учрежденіяхъ.

Соединенные Штаты охватываютъ многочисленныя національности, они даже не представляютъ собой централизованнаго государства. Тѣмъ не менѣе, въ нихъ господствуетъ единый языкъ — англійскій. Даже оба государства національностей, объединенныхъ личной уніей въ Габсбургскую монархію, имѣютъ каждое свой государственный языкъ: Венгрія—венгерскій, Австрія въ дѣйствительности—нѣмецкій. Для Австріи, конечно, это ущербъ, что нѣмецкій языкъ не является государственнымъ въ достаточной степени. При крайней необходимости могутъ еще существовать въ небольшомъ государствѣ два офиціальныхъ языка. Но господство большаго числа языковъ въ государствѣ едва ли практически осуществимо.

Ясно, что наличность многихъ языковъ въ государствѣ наноситъ ущербъ демократическому равенству. Тотъ, кто владѣетъ государственнымъ языкомъ, имѣетъ громадное преимущество передъ тѣмъ, кто не владѣетъ имъ. Не легко положеніе подсудимаго, если судья и защитники не понимаютъ его языка. Не легко приходится ученику, если преподаваніе ведется на языкѣ, на которомъ онъ съ трудомъ объясняется. Такъ же незавидно положеніе чиновника, не владѣющаго языкомъ даннаго вѣдомства. Рѣчь парламентскаго оратора также не достигаетъ полнаго эффекта, когда ему приходится говорить на языкѣ, которымъ онъ не вполнѣ владѣетъ, или на языкѣ, который понятенъ только части присутствующихъ. Съ этимъ не трудно мириться отдѣльнымъ иностранцамъ. Но противъ этого возмущается членъ крупной націи, которому приходится страдать за принадлежность къ своей національности. Чѣмъ сильнѣе развито демократическое чувство, тѣмъ сильнѣе сказывается стремленіе завоевать для своей націи равноправіе въ государствѣ. Отсюда создается все растущее противорѣчіе между національной оппозиціей и условіями существованія въ государствѣ.

Но благодаря этой національной оппозиціи ослабляется борьба классовъ. Если одна нація подавляется другой въ томъ же государствѣ, то легко достигается солидарность всѣхъ классовъ угнетенной націи по отношенію къ угнетателямъ. Классовыя противорѣчія затушевываются или фальсифицируются, онѣ совершенно не проявляются или же проявляются въ извращенномъ видѣ. Солидарность внутри одного класса также ослабляется, особенно внутри класса

угнетенныхъ, классовое чувство которыхъ вообще просыпается позже, чѣмъ у угнетателей.

Всѣ эти затрудненія чужды національному государству, въ которомъ весь народъ говоритъ на одномъ языкѣ. Они также менѣе ощущаются въ издавна сложившихся— до появленія современныхъ демократическихъ идей—государствахъ національностей, благодаря привычкѣ и умѣнью приспособляться со стороны населенія, не вкушавшаго еще преимуществъ національнаго государства. Они становятся совершенно невыносимыми, если государство насильно присоединяетъ къ себѣ чуждые ему по національности элементы, для которыхъ самостоятельная политическая дѣятельность на почвѣ современной демократіи стала второй натурой. Стремленіе къ національному государству возникаетъ одновременно съ стремленіемъ къ современной государственной демократіи и весьма тѣсно связано съ нимъ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе представленія, что стоитъ только Австріи стать демократической страной, какъ она снова станетъ жизнеспособной. Всѣ истинныя демократическія попытки оздоровленія Австріи имѣютъ цѣлью превратить ее изъ единаго государства въ союзъ національныхъ государствъ.

То же требованіе національной автономіи выставляется окраинными національностями Россіи. Внутри каждаго такого національнаго государства возможно полное, не только формальное, но и дѣйствительное господство демократіи.

Соціалдемократія унаслѣдовала отъ буржуазной демократіи стремленіе къ національному государству. Мы, конечно, не буржуазные демократы, но мы не отличаемся отъ нихъ отношеніемъ къ демократіи, какъ къ чему-то незначительному или безполезному. У пролетаріата, какъ у низшаго класса въ государствѣ, нѣтъ иныхъ путей къ достиженію себѣ правъ, какъ черезъ демократію. Но мы не раздѣляемъ иллюзій буржуазной демократіи, что демократія есть олицетвореніе всѣхъ правъ пролетаріата. Она образуетъ только почву, на которой онъ можетъ бороться за свои права. Съ достиженіемъ демократической программы не оканчивается пролетарская борьба за эмансипацію: она принимаетъ только новыя формы.

Демократія является жизненной необходимостью для пролетаріата, а не для буржуазіи. На современной ступени развитія буржуазія даетъ отставку своимъ демократическимъ идеаламъ, а вмѣстѣ съ ними и идеѣ національнаго государства. Нынѣшній государственный идеалъ ея выходитъ за рамки національнаго государства. Она прячетъ это

«либеральное наслѣдство» въ «музей историческихъ рѣдкостей». Но мы, конечно, не имѣемъ основаній поступать такъ же. Мы не должны толковать матеріалистическаго пониманія исторіи такъ, что «общія тенденція развитія», въ виду того, что онѣ обусловлены экономическими отношеніями, должны быть признаны также и пролетаріатомъ. У послѣдняго есть свои собственныя тенденціи развитія, не менѣе обусловленныя экономическими отношеніями: ими онъ долженъ руководиться независимо отъ того, расходятся ли онѣ, или даже противорѣчатъ тенденціямъ развитія буржуазіи.

Правда, рѣчь идетъ о тенденціяхъ, которыя нужно понять и которыми нужно руководствоваться съ разумѣніемъ, а не объ установленныхъ шаблонахъ. Это, какъ будто, должно разумѣться само собой. Тѣмъ не менѣе, многіе полагаютъ, что, критикуя шаблонное примѣненіе тенденцій, они этимъ доказываютъ и неправильность самой тенденціи. Прежде всего подъ требованіемъ національнаго государства не слѣдуетъ понимать неуклоннаго обязательства того, что всѣ, говорящіе на одномъ языкѣ, должны быть объединены въ одно государство. Въ основѣ стремленія къ національному государству лежитъ только идея, что развитіе и господство демократіи полнѣе всего осуществляется въ такомъ государствѣ, гдѣ все населеніе говоритъ на одномъ и томъ же языкѣ. Рядомъ, конечно, можетъ существовать и другое государство, населеніе котораго говоритъ на томъ же языкѣ. Почему это должно противорѣчить интересамъ демократіи? Если въ Соединенныхъ Штатахъ говорятъ на англійскомъ языкѣ, въ Бразиліи на португальскомъ, а въ остальныхъ Штатахъ Южной Америки государственнымъ языкомъ является испанскій, то никто не видитъ нарушенія принципа національности или демократіи въ томъ, что эти государства существуютъ самостоятельно, а не объединены съ Англіей, Португаліей, Испаніей.

Правда, часто стремленіе къ созданію національнаго государства равнозначаще со стремленіемъ объединить всѣхъ, говорящихъ на одномъ и томъ же языкѣ, въ предѣлахъ особаго государственнаго организма. Это осуществимо только въ тѣхъ граничащихъ между собой областяхъ, въ которыхъ живутъ компактныя массы лицъ одной и той же націи.

Три слѣдующихъ фактора создаютъ при этихъ условіяхъ стремленіе къ національному объединенію.

Первый наиболѣе близлежащій факторъ—это желаніе

придать національному государству по возможности больше силы и мощи—это стремленіе вполнѣ совмѣстимо съ принципами демократіи, поскольку мощь и сила будутъ использованы не для насилія надъ другими, а для защиты отъ чужого насилія. Далѣе, все усиливающееся стремленіе,—вытекающее изъ все болѣе растущаго капиталистическаго товарообмѣна—къ устраненію государственной раздробленности, къ отмѣнѣ внутреннихъ пошлинъ, къ введенію одинаковыхъ условій въ торговлѣ—одинаковой монеты и одинакового законодательства. Къ этимъ мотивамъ присоединяется еще одинъ, пользующійся особыми симпатіями въ низшихъ слояхъ населенія: это желаніе помочь своимъ собратьямъ по національности, подвергающимся притѣсненіямъ въ сосѣднихъ странахъ изъ-за принадлежности къ данной націи. Чѣмъ сильнѣе развиты демократическое сознаніе и солидарность, тѣмъ сильнѣе потребность освободить отъ гнета своихъ собратьевъ по національности.

Авторъ цитированной выше статьи, можетъ быть, менѣе энергично отвергъ бы идею «разрушенія Австро-Венгріи, дабы 12 милл. нѣмцевъ, живущихъ въ ней, вошли въ лоно Германской имперіи», если бы господами въ Австріи являлись венгры, если бы въ австрійскомъ парламентѣ единственно разрѣшеннымъ закономъ языкомъ былъ бы венгерскій, если бы преподаваніе въ школахъ и университетахъ шло бы на венгерскомъ языкѣ, если бы каждый состоящій на государственной службѣ долженъ былъ бы владѣть венгерскимъ языкомъ. Онъ, можетъ быть, тогда понялъ бы, какъ много общаго между демократіей и національной самостоятельностью.

Нельзя также пройти мимо попытки Виннига обратить въ смѣшное стремленіе къ національному государству, разсматриваемое имъ, какъ простой шаблонъ, какъ «безусловное право». Языкъ является весьма важнымъ средствомъ общенія и служитъ связующимъ звеномъ между людьми, но не единственнымъ. Люди, говорящіе на разныхъ языкахъ, тоже могутъ вступить въ отношенія другъ съ другомъ, хотя бы при помощи переводчика. Внутри каждаго государства складываются хозяйственныя, родственныя или политическія сношенія, могущія при опредѣленныхъ условіяхъ стать болѣе тѣсной связью, чѣмъ общность языка. Ни одно изъ современныхъ крупныхъ государствъ не возникло сразу въ видѣ національнаго государства, каждое было первоначально государствомъ національностей и большинство изъ нихъ еще до сегодняшняго дня носитъ

слѣды возникновенія изъ различныхъ націй. Тутъ и тамъ развились между группами различныхъ національностей въ предѣлахъ историческаго государства тѣсныя сношенія, разрывъ которыхъ могъ бы стать весьма болѣзненнымъ, и даже привести къ политической и экономической деградаціи, если онъ будетъ произведенъ насильно, путемъ завоеванія. Если бы кто-нибудь по этнографической картѣ Европы захотѣлъ всю ее перекроить заново, то онъ, несомнѣнно, натолкнулся бы на энергичное сопротивленіе. Вспомнимъ, какъ эльзасцы въ 1871 г. рѣшительно протестовали противъ присоединенія ихъ къ Германской имперіи, хотя нѣмецкій языкъ былъ болѣе роднымъ для нихъ, чѣмъ французскій. Французскіе швейцарцы не желаютъ стать французами, а предпочитаютъ оставаться въ союзѣ съ нѣмецкими швейцарцами. Дальнѣйшимъ примѣромъ могутъ служить намъ итальянцы, которые опасаются, что оторванному отъ Австріи Тріесту грозитъ экономическій упадокъ и т. д.

Если мы все это признаемъ, что же останется тогда отъ національнаго принципа? Виннигъ полагаетъ, что мы придемъ въ этомъ случаѣ къ status quo, который, по его мнѣнію, такъ же не самостоятеленъ, какъ и національный принципъ.

«Могутъ возразить, что принципъ, на которомъ построено право націй, слѣдуетъ такъ понимать, что современныя государственныя границы не должны быть подвергнуты никакимъ измѣненіямъ, что Германія и Австрія ни въ коемъ случаѣ не должны присоединить къ себѣ чуждые имъ по языку и племени народы. Но это означало бы ничто иное, какъ возведеніе пресловутаго status quo во всемірную политическую систему соціализма... это былъ бы отказъ отъ всякаго развитія въ будущемъ, увѣковѣченіе сегодняшнихъ границъ».

Понятно, что status quo не является всемірной политической системой соціализма. Но, съ другой стороны, мы и не требуемъ, чтобы идея національнаго государства была безусловно проведена и чтобы всѣ не соотвѣтствующія этой идеѣ границы, были разрушены. Это одно уже можетъ успокоить Виннига и нашего товарища въ Галле въ томъ, что мы не стремимся къ раздробленію крупныхъ государствъ на безчисленныя мелкія національныя государства. Мы, впрочемъ, увидимъ послѣ, что есть также возможность объединить мелкія національныя государства въ болѣе крупные общественные организмы.

Въ сохраненіи status quo мы совершенно не заинтере-

сованы. Мы заинтересованы только въ томъ, какъ и какимъ образомъ онъ измѣнится.

Идея демократіи и тѣсно связанная съ ней идея національнаго государства требуютъ, чтобы status quo не былъ измѣненъ безъ согласія заинтересованнаго населенія. Ни одно государство не должно, опираясь исключительно на свое право завоевателя, включить въ свой составъ населеніе, относящееся враждебно къ этой перемѣнѣ. Никто не является такимъ рѣшительнымъ противникомъ status quo, какъ соціалдемократія. Но никто такъ же рѣшительно, какъ соціалдемократія, не отклоняетъ права завоеваній, какъ метода измѣненія status quo. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, мы способствуемъ тому, что тѣ измѣненія status quo, къ которымъ мы относимся сочувственно, приблизятъ насъ къ идеѣ національнаго государства, но ни въ коемъ случаѣ не приведутъ къ нарушенію этой идеи.

Ничего худшаго не можетъ случиться съ нѣмецкимъ народомъ, чѣмъ если война превратитъ нашу имперію изъ національнаго государства, какимъ она по существу является, въ государство національностей, т.-е. если бы въ результатѣ войны составъ имперіи увеличился за счетъ включенія не-нѣмецкихъ націй. Людямъ, стремящимся къ этому, никогда не приходилось работать въ такомъ государствѣ, они не знаютъ, какъ оно подавляетъ и ослабляетъ демократію.

Но развѣ мы не становимся, такимъ образомъ, въ противорѣчіе съ экономической необходимостью? Развѣ она не принуждаетъ современное государство «выступить изъ своихъ границъ, ибо иначе невозможно дальнѣйшее развивтіе производительныхъ силъ?»

2. Необходимость имперіалистическаго государства.

Мы уже говорили о томъ, что идеи демократіи, а вмѣстѣ съ ними и идея національнаго государства, постепенно теряютъ для буржуазіи свою притягательную силу. Достигнувъ опредѣленной ступени развитія, каждое капиталистическое государство стремится къ расширенію своихъ границъ, хотя бы цѣной присоединенія къ нему чуждыхъ ему по національности элементовъ. Но это еще не значитъ, что оно обнаруживаетъ тенденцію превратиться изъ національнаго государства въ государство національностей.

Побудительная сила, вызывающая въ высоко развитыхъ капиталистическихъ странахъ экспансивныя стремленія—есть имперіализмъ. Въ мои планы не входитъ сейчасъ повтореніе того, что было уже безчисленное множество разъ сказано. Все, что можно сказать о причинахъ и явленіяхъ имперіализма, въ общемъ, уже разъяснялось въ достаточной степени. Все, что я могу сказать въ дополненіе къ этому, я изложилъ въ статьѣ объ имперіализмѣ въ «Neue Zeit» (XXXII,2).

Я обосновываю въ ней слѣдующую мысль:

«Имперіализмъ является продуктомъ высоко развитаго индустріальнаго капитализма. Онъ выражается въ стремленіи всякой индустріальной капиталистической націи, подчинить себѣ и включить въ свой составъ аграрную область—чѣмъ она больше, тѣмъ лучше—независимо отъ національнаго состава ея населенія».

Рѣшающимъ факторомъ для соціализма является противоположность между индустріальной и аграрной областями. Аграрныя страны, къ захвату которыхъ обращены стремленія капиталистическихъ странъ,—отсталы въ экономическомъ отношеніи. Онѣ все еще находятся въ стадіи примитивной общинной демократіи, неспособны къ современной, національной, крупно-государственной демократіи, не вслѣдствіе какихъ-либо расовыхъ

отличій, а исключительно потому, что въ нихъ еще не сложились матеріальныя предпосылки для такого рода демократіи. Это не дѣти, неспособныя къ защитѣ своихъ собственныхъ интересовъ или управленію своими дѣлами и нуждающіяся вслѣдствіе этого въ опекѣ, но онѣ просто еще не въ состояніи дѣлать это въ рамкахъ крупнаго государства.

Захватить и подчинить себѣ такіе примитивные государственные организмы является весьма легкимъ дѣломъ для централизованнаго европейскаго государства не только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти демократическія общины сохраняютъ свою полную самостоятельность, но и тогда, когда онѣ объединены уже въ примитивное государство. Тамъ, вмѣсто туземнаго, получаетъ силу европейскій деспотизмъ.

Расширенное такимъ путемъ государство не является государствомъ національностей, а колоніальнымъ государствомъ. Присоединенные новые элементы не имѣютъ ни силы, ни желанія принимать участія въ политической жизни всего государства въ цѣломъ, вліять на него въ демократическомъ духѣ. Они хотятъ только, чтобы государство ихъ оставляло въ покоѣ. Внутреннія политическія затрудненія вслѣдствіе увеличенія государственной области не возникаютъ для метрополіи.

Тѣмъ не менѣе, этотъ способъ государственнаго расширенія противорѣчитъ демократическому чувству и интернаціональной солидарности пролетаріата. Условія его эмансипаціи несовмѣстимы съ какой бы то ни было эксплуатаціей и угнетеніемъ, если это даже его непосредственно не касается. Но такое расширеніе укрѣпляетъ положеніе его эксплуататоровъ и угнетателей. Пролетаріатъ еще не станетъ свободнымъ отъ того, что нѣкоторые слои его, занятые въ опредѣленныхъ профессіяхъ, или живущіе въ опредѣленныхъ областяхъ, будутъ также пользоваться плодами эксплуатаціи и угнетенія. Это скорѣе можетъ повести за собой ослабленіе его позиціи.

У буржуазіи, понятно, такія сомнѣнія не возникаютъ. Разъ она уже рѣшила изъ національнаго государства стать колоніальнымъ, то для этого стремленія у нея нѣтъ другихъ преградъ, кромѣ сопротивленія другихъ колоніальныхъ державъ.

Стремленіе къ образованію національнаго государства имѣетъ свои границы. Всякое завоевательное намѣреніе со стороны государства, достигшаго стадіи національнаго государства, встрѣчаетъ все растущія трудности, даже въ

томъ случаѣ, если это государство имѣетъ на своей сторонѣ военный успѣхъ.

Стремленіе расширить національное государство путемъ присоединенія иноязычныхъ элементовъ, привыкшихъ или стремящихся къ развитой современной демократіи, привыкшихъ уже къ самостоятельной національной жизни, наталкивается на сопротивленіе со стороны присоединеннаго народа, и оно тѣмъ больше и труднѣе преодолимо, чѣмъ значительнѣе его территорія и чѣмъ выше уровень его политическаго и экономическаго развитія. Даже руссификація иноязычныхъ западныхъ элементовъ наталкивается въ Россіи на все растущія затрудненія. Въ развитыхъ современныхъ государствахъ даже чрезвычайно маленькому національному меньшинству удавалось отстоять свои національныя особенности и провести свою оппозицію до конца. Самые крупные военные успѣхи не въ состояніи больше измѣнить этого положенія.

Иначе обстоитъ дѣло со стремленіемъ къ пріобрѣтенію колоніальныхъ владѣній. Тутъ не приходится преодолѣвать такихъ трудностей, какъ въ государствѣ національностей. Съ другой стороны, колоніальное государство не обладаетъ также устойчивостью и сплоченностью національнаго государства. Колоніальныя владѣнія могутъ легко перейти въ руки другой колоніальной державы путемъ захвата, продажи, или обмѣна. Энергичнаго сопротивленія со стороны туземнаго населенія противъ подобныхъ перемѣнъ не приходится опасаться.

Рѣшающимъ факторомъ въ данномъ случаѣ является степень военной силы владѣльцевъ колоніи. Но, съ другой стороны, границы расширенія колоніальной державы опредѣляются также степенью ея военной мощи по сравненію съ другими колоніальными государствами.

Національное государство, напротивъ, самымъ энергичнымъ образомъ возстаетъ противъ малѣйшаго измѣненія или уменьшенія его области со стороны другого государства. Сломить въ конецъ это упорное сопротивленіе, черпающее свои силы въ прочно утвердившейся демократической жизни его населенія, почти невозможно; съ другой стороны границы національнаго государства опредѣляются размѣрами его сплоченной національной области и выйти за эти границы, безъ ущерба для себя, оно не можетъ. То и другое ведетъ къ тому, что для его существованія сила и вліяніе демократіи имѣютъ большее значеніе, чѣмъ сила его арміи.

Послѣдняя принимаетъ въ національномъ государствѣ,

желающемъ оставаться таковымъ въ будущемъ, чисто оборонительный характеръ. Одновременно съ идеей современной демократіи и національнаго государства возникаетъ идея о милиціи. Одни и тѣ же классы и партіи являются поборниками этихъ трехъ идей.

Напротивъ, періодъ имперіализма, начавшійся лѣтъ 25 тому назадъ, ознаменовался полнымъ отказомъ всѣхъ буржуазныхъ классовъ отъ идеи милиціи: вмѣстѣ съ имперіализмомъ наступила эра лихорадочнаго усиленнаго вооруженія не только на сушѣ, но и—преимущественно—на морѣ.

Виннигъ и авторъ статьи въ Volksblatt'ѣ этого факта не касаются вовсе. Они заявляютъ только, что расширеніе государства за его современныя границы неотвратимо и неизбѣжно, ибо въ противномъ случаѣ «дальнѣйшее экономическое развитіе, дальнѣйшее увеличеніе производительныхъ силъ невозможны болѣе». Они не только признаютъ имперіалистическія стремленія экономически обоснованными—что не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію,—но объявляютъ ихъ также на этомъ основаніи неизбѣжными.

Поразительно, какъ въ этомъ вопросѣ сходятся крайности. Крайняя правая и крайняя лѣвая нашей партіи въ одинъ голосъ заявляютъ, что имперіализмъ является необходимостью для современнаго способа производства. Изъ этого одни дѣлаютъ выводъ, что мы должны поддерживать его. Другіе говорятъ, что, хотя при имперіалистической системѣ имперіализмъ неизбѣженъ, но такъ какъ мы его не хотимъ, то мы должны противопоставить ему соціализмъ, т.-е. не только пропаганду его, которую мы уже полвѣка противопоставляемъ его всѣмъ формамъ капиталистическаго господства, а немедленное осуществленіе его.

Это звучитъ весьма радикально, но на практикѣ пригодно только къ тому, чтобы толкать всѣхъ, кто не вѣритъ въ немедленное практическое осуществленіе соціализма, въ лагерь имперіализма. Это вода на мельницу тѣхъ соціалистовъ, которые говорятъ: «Мы хотимъ соціализма, но покуда мы его не имѣемъ, мы должны быть имперіалистами, ибо правовѣрный соціалистъ не долженъ сопротивляться общимъ тенденціямъ развитія». Имперіализмъ является при данныхъ условіяхъ экономической необходимостью для капитала, а вмѣстѣ съ этимъ и для пролетаріата, развивающагося тѣмъ мощнѣе, чѣмъ быстрѣе идетъ развитіе капитала, и страдающаго больше другихъ, когда происходитъ застой въ капиталистическомъ способѣ производства.

Когда ссылаются на понятіе объ экономической необходимости, то слѣдуетъ больше всего остерегаться неправильнаго отношенія къ экономическому процессу, какъ застывшему въ неподвижности механизму. Общество—это не механизмъ, а организмъ. Слѣдовательно, ему a priori присущи понятія эластичности и приспособляемости. Общественный организмъ обладаетъ этими свойствами еще въ значительно большей степени, чѣмъ животный, ибо его элементы не клѣтки, реагирующія безсознательно на всякое раздраженіе, а мыслящіе люди, которые промежутокъ между раздраженіемъ и реакціей обычно заполняютъ работой мысли, въ которой отчасти сознательно, отчасти безсознательно проявляется не толькой личный опытъ, но и нажитый многими тысячами вѣковъ опытъ всего общества въ цѣломъ, оставляющій осадокъ—въ болѣе или менѣе несовершенной формѣ—въ мозгу каждаго изъ насъ. Этотъ осадокъ въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ слишкомъ сложенъ и разнообразенъ, чтобы его при нашихъ средствахъ всегда можно было учесть. Поскольку его учесть нельзя, воля кажется свободной, хотя въ дѣйствительности она, какъ всякое явленіе въ природѣ, обусловлена необходимостью. Весь общественный процессъ является результатомъ дѣйствій и воли безчисленныхъ индивидуумовъ, усиливающихъ другъ друга, когда они дѣйствуютъ въ одномъ направленіи, ослабляющихъ и парализующихъ другъ друга, когда ихъ дѣйствія діаметрально противуположны.

Несмотря на индивидуальныя различія въ способностяхъ и опытѣ, въ существенномъ, люди, однако, настолько схожи другъ съ другомъ, что при равныхъ условіяхъ они одинаковымъ образомъ реагируютъ на одни и тѣ же раздраженія. Мы находимъ полное подтвержденіе этому, наблюдая поведеніе широкихъ массъ при регулярно повторяющихся явленіяхъ.

Эти наблюденія привели къ сознанію законосообразности внутри человѣческаго общества, осуществляющейся съ необходимостью естественнаго закона. На основаніи этого сознанія мы можемъ предусмотрѣть, какъ массы будутъ реагировать на опредѣленныя обстоятельства. Но это возможно, однако, только въ томъ случаѣ, если намъ будутъ въ точности извѣстны всѣ дѣйствующіе при этомъ факторы. Если нѣкоторые факторы измѣнились, и мы этихъ измѣненій не замѣтили, или неправильно оцѣнили, то массы будутъ дѣйствовать иначе, чѣмъ мы предполагали.

Къ наиболѣе трудно учитываемымъ факторамъ слѣ-

дуетъ отнести соотношеніе силъ отдѣльныхъ классовъ. Интересы каждаго изъ нихъ могутъ быть въ точности выяснены теоретическимъ анализомъ, но сила ихъ не поддается учету въ любой моментъ. Приходится при этомъ принимать во вниманіе всякія такъ называемыя невѣсомыя, духовныя вліянія, не поддающіяся статистическому подсчету и легко мѣняющіяся вмѣстѣ съ измѣненіемъ ситуаціи. Такъ, напр., классовое противорѣчіе на чисто экономической почвѣ между капиталомъ и трудомъ ясно познается и сравнительно легко прививается въ сознаніи рабочихъ, благодаря чему возможна организація ихъ въ обособленную рабочую партію съ антикапиталистическими цѣлями.

Но этимъ еще не сломлено вліяніе, оказываемое съ давнихъ поръ господствующими классами на рабочія массы въ вопросахъ, не касающихся непосредственно ближайшихъ экономическихъ интересовъ: путемъ религіозныхъ организацій и культивированіемъ установившихся обычаевъ и національныхъ чувствъ. Ошибочно представленіе, что каждый, голосующій за соціалдемократію, отстаиваетъ каждый пунктъ всей соціалдемократической программы одинаково интенсивно. Нѣкоторые пункты ему приходятся больше по душѣ, другіе—меньше, а съ третьими онъ, можетъ быть, совсѣмъ не согласенъ. Такимъ образомъ, соціалдемократія можетъ, въ зависимости отъ перемѣны ситуаціи, выдвигающей на передній планъ различные пункты программы, представлять собою весьма различную по вліянію силу. Если, напр., во время выборовъ въ рейхстагъ, на очереди стоялъ вопросъ о новыхъ налогахъ, то массы сплачивались обычно вокругъ соціалдемократической партіи въ значительно большемъ числѣ, чѣмъ при борьбѣ противъ милитаризма и колоніальной политики. Стоитъ только сравнить готтентотскіе выборы 1907 года съ выборами послѣ финансовой реформы въ 1912 году.

Самостоятельное мышленіе класса, правильно обоснованное твердое убѣжденіе, не колеблющееся изъ стороны въ сторону въ зависимости отъ настроенія и минутныхъ интересовъ—это мощный факторъ, это факторъ перворазряднаго значенія. Нѣтъ ошибочнѣе взгляда, что историческій матеріализмъ считаетъ кошелекъ основой всякой политической силы. Онъ объясняетъ всѣ политическія и соціальныя явленія въ послѣднемъ счетѣ матеріальными условіями, но далеко не при всѣхъ обстоятельствахъ матеріальными интересами.

Стремленіе къ образованію, отличающее городского

пролетарія отъ мелкаго крестьянина, объясняется особыми условіями его жизни, а не экономическими интересами. То же самое относится и къ возможности осуществленія этого стремленія. Если мы отъ классовой борьбы современнаго пролетаріата ожидаемъ бо́льшихъ успѣховъ, чѣмъ это выпало въ прошломъ на долю классовыхъ войнъ трудящихся, то мы въ не малой степени будемъ обязаны этому болѣе интенсивному стремленію современныхъ рабочихъ къ образованію и возможности осуществлять это стремленіе.

Историческій матеріализмъ вполнѣ совмѣстимъ съ признаніемъ, что первымъ условіемъ успѣшной классовой борьбы является освобожденіе умовъ рабочаго класса отъ вліянія класса противоположнаго ему по интересамъ. Но именно этотъ факторъ трудно установить въ точности, и въ данномъ случаѣ легко можно ошибиться, принявъ иллюзіи за дѣйствительность. Несмотря на весь прогрессъ экономической теоріи и статистики, соотношенія силъ классовъ и партій продолжаютъ оставаться весьма трудно поддающимся учету факторомъ, въ особенности въ ненормальной ситуаціи.

Измѣненія въ соотношеніи силъ классовъ вызываются въ конечномъ счетѣ измѣненіемъ экономическихъ условій. Но и перемѣщеніе силъ со своей стороны способно вызвать измѣненіе экономическихъ условій, могущее, въ извѣстныхъ случаяхъ, привести къ полному перевороту способа производства въ цѣломъ, или же—въ другихъ случаяхъ заставить его только приспособиться къ новымъ отношеніямъ.

Буржуазные экономисты смѣшивали понятія экономіи и политики, видѣли въ экономическихъ отношеніяхъ отношенія между человѣкомъ и созданными имъ вещами, видѣли въ капиталѣ и фондѣ заработной платы накопленіе вещей, считая, такимъ образомъ, при извѣстныхъ отношеніяхъ величину капитала и заработной платы неизмѣнными. Марксъ показалъ, что экономическія отношенія есть отношенія между людьми черезъ посредство вещей, онъ указалъ далѣе на эластичность и способность къ приспособленію капиталистическаго способа производства и его отдѣльныхъ формъ, между тѣмъ какъ буржуазная экономія считала, что всякое вмѣшательство въ процессъ производства подвергаетъ общество тяжелой опасности. Марксъ показалъ, что часто именно вмѣшательство регулирующей силы, напр., государственной власти или профессіональныхъ союзовъ, не только не наносило ущерба производственному процессу, а, напротивъ, толкало его впередъ, на болѣе высокую ступень развитія. Такъ, напр., обстояло

дѣло съ принудительнымъ сокращеніемъ рабочаго дня, что, по предсказанію предпринимателей, должно было привести къ упадку индустріи.

Съ тѣхъ поръ эластичность и приспособляемость производства не уменьшились, а, напротивъ, въ значительной степени возрасли, о чемъ свидѣтельствуетъ современная міровая война. Это слѣдуетъ, съ одной стороны, приписать тому обстоятельству, что старыя традиціи и пережитки въ индустріи все болѣе вытѣсняются наукой, безпрерывно революціонизирующей ее. Съ другой стороны, причиной этому являются: централизація предпріятій, объединеніе ихъ въ картели и трэсты, ростъ ихъ господства при помощи небольшого числа крупныхъ банковъ и все растущее значеніе государственной власти въ экономическомъ отношеніи. Вмѣсто безчисленныхъ отдѣльныхъ волеизліяній, которыя въ новой непривычной ситуаціи не легко могутъ быть быстро слиты въ одну волю, приходится теперь имѣть дѣло съ немногими господами положенія, заинтересованными одинаковымъ образомъ и привыкшими соглашаться другъ съ другомъ.

Эта растущая эластичность и приспособляемость производства не означаетъ вовсе растущей жизнеспособности капитализма. Онъ обязанъ ей тому обстоятельству, что онъ все болѣе приближается къ формамъ производства, характеризующимъ соціалистическій способъ. Но онъ, тѣмъ не менѣе, остается вѣренъ своему капиталистическому существу: движущей осью для него является попрежнему прибыль. Интересы прибыли находятся, какъ и прежде, въ противорѣчіи съ интересами рабочаго класса. Современный способъ производства вынуждаетъ увеличивать количество продуктовъ быстрѣе, чѣмъ растетъ число рабочихъ силъ.

Эти присущія капитализму черты связаны съ нимъ неразрывно, онѣ именно создаютъ и усиливаютъ вражду къ нему со стороны неимущихъ классовъ, онѣ же въ будущемъ положатъ предѣлъ его существованію. Растущая эластичность и приспособляемость капитализма не даютъ ему, правда, возможности расти и существовать безпредѣльно и безконечно, но онѣ являются причиной того, что даже перемѣщеніе соотношенія силъ классовъ, могущее привести къ политической и соціальной катастрофѣ, не должно имѣть послѣдствіемъ также и экономической катастрофы, и что переходъ отъ капитализма къ соціализму можетъ совершиться безъ экономическаго краха.

Если присмотрѣться ближе къ все болѣе увеличиваю-

щейся эластичности и приспособляемости капитализма, то нельзя исключительно изъ того факта, что развивающіе имперіализмъ сильные экономическіе стимулы лежатъ въ самомъ капитализмѣ, сдѣлать того вывода, что имперіализмъ неизбѣженъ, покуда существуетъ капиталистическій способъ производства и что безсмысленно противодѣйствовать ему въ предѣлахъ этого способа производства.

Является вопросъ, не заинтересованы ли нѣкоторые общественные классы и слои въ томъ, чтобы неизбѣжное расширеніе капитала принуждено было искать себѣ иныхъ средствъ, помимо расширенія колоніальныхъ владѣній. Нѣтъ сомнѣній, что всякое дальнѣйшее стремленіе къ расширенію со стороны каждой отдѣльной державы приведетъ къ новой всемірной войнѣ. Вопросъ также въ томъ, достаточно ли сильны данные слои и классы, чтобы противодѣйствовать имперіалистическимъ тенденціямъ.

Существованіе такихъ слоевъ, интересы которыхъ настойчиво требуютъ всеобщаго мира и разоруженія, не подлежитъ сомнѣнію и не требуетъ никакихъ доказательствъ. Мелкіе мѣщане и крестьяне, даже многіе капиталисты и часть интеллигенціи, не настолько заинтересованы въ имперіализмѣ, чтобы этотъ интересъ окупалъ ущербъ, наносимый имъ войной и вооруженіемъ. У пролетаріата къ этимъ мотивамъ борьбы противъ имперіализма присоединяются еще интересы демократіи и интернаціональной солидарности.

Сила, на которую эти интересы опираются, правда, не поддается учету. Заинтересованные въ имперіализмѣ слои обладаютъ не только сильнѣйшими матеріальными средствами власти, но они оказываютъ также могучее экономическое вліяніе на широкіе слои населенія, въ томъ числѣ и на пролетаріатъ.

Обладаютъ ли противники имперіализма достаточной силой, чтобы пріостановить его развитіе,—въ этомъ у насъ полной увѣренности быть не можетъ. Но не доказано и обратное. Мы видѣли, что соотношеніе силъ принадлежитъ именно къ величинамъ, не поддающимся учету. Это особенно видно въ такомъ періодѣ, какой мы сейчасъ переживаемъ, періодѣ, создающемъ совершенно новыя ситуаціи.

Вѣрно то, что партія интернаціональныхъ пролетарскихъ интересовъ оказалась недостаточно сильной, чтобы предотвратить войну при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ она возникла. Но можно съ увѣренностью сказать,

что оппозиція противъ нея была бы сильнѣе, если бы ея имперіалистическій характеръ обнаружился ярче, если бы она не была повсемѣстно воспринята, какъ борьба за самостоятельность и независимость націй.

Мы не знаемъ еще, какъ дальнѣйшій ходъ войны повліяетъ на имперіалистическія настроенія и тенденціи. Во всякомъ случаѣ заявленіе, что имперіализмъ въ современной стадіи капиталистическаго производства необходимъ для послѣдняго, разъ капитализмъ существуетъ, является весьма неподходящимъ средствомъ борьбы противъ него. Какія бы цѣли ни преслѣдовались этимъ заявленіемъ, оно способно только играть на руку имперіалистамъ, поднять ихъ духовное вліяніе на народныя массы, а вмѣстѣ съ этимъ и силу имперіализма.

Имперіализмъ является только вопросомъ силы, а не экономической необходимости. Онъ не только не необходимъ для капиталистическаго способа производства, но даже его значеніе для него часто неимовѣрно переоцѣнивается.

Можно, во-первыхъ, доказать, что онъ не является единственномъ стимуломъ экспансивной политики державъ. Во-вторыхъ, что колоніальная политика—и именно въ главнѣйшихъ проявленіяхъ ея—не имперіалистическаго происхожденія. Въ-третьихъ, что аггрессивная политика имперіализма, будучи далеко не необходимой для экономическаго развитія капитализма, даже изъ всѣхъ современныхъ методовъ капиталистической политики расширенія является наиболѣе дорого стоющимъ и наиболѣе опаснымъ методомъ, но далеко не наиболѣе дѣйствительнымъ, такъ какъ, на ряду съ нимъ, примѣняются другіе, играющіе значительно большую роль въ экономическомъ отношеніи.

---

3. Причины аггрессивной политики.

Отличительнымъ свойствомъ имперіализма является тѣсная связь между финансовымъ и промышленнымъ капиталами.

Кто желаетъ выяснить себѣ историческія дѣйствія капитала, долженъ ясно различать отдѣльные виды его. Это въ первый разъ было сдѣлано Марксомъ, въ третьемъ томѣ «Капитала», гдѣ онъ указываетъ на три вида капитала: промышленный, торговый и денежный.

Разрабатывая эту основу, я изслѣдовалъ въ 1898 г. отношеніе различныхъ видовъ капитала къ колоніальной политикѣ въ серіи статей «О старой и новой колоніальной политикѣ» и статьѣ «Кіао-Чау», я указалъ на различіе между новѣйшей имперіалистической политикой и колоніальной политикой прошлыхъ вѣковъ (Neue Zeit 1897/98 г.). Дополненіе къ этимъ статьямъ сдѣлано мной въ подробной полемикѣ противъ Шиппеля (въ 1900 г.), выступавшаго въ пользу тогдашняго законопроекта о флотѣ, между прочимъ и по той причинѣ, что «въ нынѣшнее время въ груди почти каждаго англичанина сидитъ пиратъ, какъ у каждаго пруссака—жандармъ» (Шиппель, Брентано и законопроектъ о флотѣ «Neue Zeit», 1899 и 1900 гг.). Тѣ же мысли я проводилъ въ статьѣ «Торговая политика и соціалдемократія», появившейся въ 1901 г. и въ брошюрѣ «Соціализмъ и колоніальная политика», вышедшей въ 1907 г. Я въ нихъ подробно обосновывалъ нѣкоторые взгляды, которыхъ я въ дальнѣйшемъ могу коснуться только въ общихъ чертахъ.

Всѣмъ извѣстно, что первое исчерпывающее, основное изложеніе финансоваго капитала, его экономическихъ корней, условій развитія и тенденцій съ марксистской точки зрѣнія было дано Гильфердингомъ въ его книгѣ «Финансовый капиталъ» (1910 г.).

Промышленный капиталъ, классъ индустріальныхъ предпринимателей, первоначально обнаруживалъ иныя тенденціи, чѣмъ торговый и финансовый капиталъ. Онъ скло-

нялся на сторону мирнаго сожительства народовъ, ограниченія самодержавной государственной власти парламентскими и демократическими учрежденіями и экономіи въ государственномъ хозяйствѣ: онъ былъ неизмѣннымъ противникомъ пошлинъ на съѣстные продукты и сырье. Даже къ индустріальнымъ пошлинамъ онъ часто относился, какъ къ «воспитательнымъ» пошлинамъ, какъ къ слѣдствію индустріальной отсталости, долженствующей исчезнуть по мѣрѣ развитія производительныхъ силъ.

Финансовый же капиталъ, классъ крупныхъ заимодавцевъ и банкировъ, стоитъ за увеличеніе абсолютной государственной власти, за посильное проведеніе ея требованій, касающихся внутренней и внѣшней политики. Онъ заинтересованъ въ крупныхъ государственныхъ расходахъ и долгахъ, поскольку послѣдніе не превышаютъ размѣровъ, доводящихъ государство до банкротства. Онъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ крупнымъ землевладѣніемъ и ничего не имѣетъ противъ установленія въ его пользу аграрныхъ пошлинъ.

Экономическое развитіе упрочило власть денежнаго капитала и соотвѣтствующей ему политики значительно раньше, чѣмъ власть промышленнаго капитала. Но въ прошломъ столѣтіи послѣдній захватилъ власть въ свои руки и значительно вытѣснилъ вліяніе денежнаго капитала въ государствѣ. Но это было только преходящей стадіей. Она вскорѣ смѣнилась другой, когда акціонерное общество стало преобладающей формой промышленнаго капитала, послѣ того, какъ оно уже много раньше пріобрѣло крупное значеніе для торговаго и денежнаго капитала.

Этимъ наиболѣе крупныя и вліятельныя части промышленнаго капитала были объединены съ денежнымъ капиталомъ, и одновременно была подготовлена почва для примиренія его съ крупнымъ землевладѣніемъ. Трэсты и централизація крупныхъ банковъ чрезвычайно способствовали этому развитію.

Государственныя тенденціи финансоваго капитала стали теперь общими тенденціями всѣхъ господствующихъ въ экономической жизни классовъ во всѣхъ странахъ съ развитымъ капитализмомъ.

Это одинъ изъ отличительныхъ признаковъ современнаго періода, называемаго имперіалистическимъ.

Вторымъ его признакомъ является то, что вывозъ товаровъ принимаетъ теперь иной характеръ. Капиталистическое производство съ первыхъ шаговъ разсчитано не только на удовлетвореніе внутреннихъ потребностей въ государ-

ствѣ, но и на вывозъ. Первый теоретическій принципъ его гласитъ: по возможности больше товаровъ вывозить за границу, по возможности меньше ввозить оттуда. Предназначенный для вывоза товаръ служитъ сперва только для потребленія заграницей. Въ имперіалистическомъ періодѣ вывозъ для такой цѣли недостаточенъ для полнаго использованія производительныхъ силъ въ развитыхъ капиталистическихъ государствахъ. Необходимъ вывозъ средствъ производства, служащихъ капиталомъ за границей, какъ, напр., матеріалъ для постройки и оборудованія желѣзныхъ дорогъ, открывающихъ доступъ къ новымъ аграрнымъ областямъ, машины для добыванія руды, для обработки плантацій и, наконецъ, для всякихъ промышленныхъ предпріятій и т. п.

Тенденціи второго рода, дѣйствительно, непреодолимы. Онѣ будутъ существовать, пока будетъ существовать капиталистическое хозяйство. Подавленіе ихъ было бы возможно только ограниченіемъ или изуродованіемъ экономическаго развитія. Иной вопросъ, являются ли также и тенденціи перваго рода—государственные методы, которыми пользуется капиталъ—«неизбѣжными» и связаны ли также всѣ способы ихъ ограниченія съ экономическимъ упадкомъ.

Среди этихъ методовъ наиболѣе выдающимся является политика колоніальнаго расширенія. Она дала ему названіе имперіализма—этому стремленію къ созданію крупной, міровой имперіи, аграрныя области которой должны быть достаточно велики, чтобы принять излишекъ капитала метрополіи и использовать его въ ея интересахъ. Если говорятъ о современной потребности государствъ въ расширеніи, то принято связывать ее при всѣхъ обстоятельствахъ съ имперіализмомъ. Онъ считается, съ одной стороны, причиной всякаго стремленія къ расширенію, съ другой же стороны, на имперіалистическое расширеніе принято смотрѣть, какъ на единственно при современныхъ условіяхъ возможное расширеніе, служащее интересамъ дальнѣйшаго развитія капиталистическаго способа производства.

Что касается перваго предположенія, то, прослѣдивъ стремленія къ расширенію, обнаружившіяся въ послѣднее время въ каждомъ капиталистическомъ государствѣ въ отдѣльности, мы находимъ, что имперіалистическія тенденціи, выражающіяся въ объединенія промышленнаго капитала съ финансовымъ и потребности въ вывозѣ капитала, далеко не являются единственными причинами экспансивной политики. Наряду съ ними дѣйствуютъ и другія, болѣе примитивныя

тенденціи: имперіалистическія же тенденціи, какъ болѣе новыя, бросаются скорѣе въ глаза, и представляютъ для теоретика большій интересъ. Какъ и всякое другое явленіе, онъ только тогда способенъ основательно изучить ихъ, если онъ разсматриваетъ ихъ особо, какъ таковыя, оставляя въ сторонѣ всѣ затемняющія ихъ дѣйствіе побочныя явленія. Это, понятно, не есть еще доказательство того, что таковыя не существуютъ. Теоретикъ долженъ, при изслѣдованіи всего процесса въ цѣломъ, принять ихъ также во вниманіе.

Не всякое стремленіе государства къ расширенію мотивируется непосредственно экономическими соображеніями, хотя всегда основывается на экономическихъ условіяхъ. Оно можетъ быть также вызвано стремленіемъ къ господству или стремленіемъ обезпечить государственную безопасность.

Самая примитивная тенденція къ расширенію—это стремленіе насильственно присваивать себѣ продукты чужого труда, и не только при случаѣ, путемъ грабежа, но непрерывно, путемъ взиманія постоянной дани. Эта тенденція такъ же стара, какъ и исторія человѣчества. Она, какъ мы видѣли, тѣсно связана съ примитивной общинной демократіей. Покуда не развиты еще средства и методы современной бюрократіи, можно взимать дань или налогъ только со всей общины въ цѣломъ, а не съ каждаго члена ея въ отдѣльности. Отношеніе между господствующими и покоренными становится часто средствомъ для поддержанія, укрѣпленія или возсозданія примитивнаго коммунизма. Такъ, напр., русскій деспотизмъ опирался до недавняго времени на сельскій коммунизмъ. То же самое дѣлалъ въ Парагваѣ «благожелательный просвѣщенный» деспотизмъ іезуитовъ. На основѣ этого коммунизма была создана правительствомъ въ Британской Индіи вся широко распространенная налоговая система, а въ Нидерландской Индіи—вся сельскохозяйственная барщинная работа въ пользу иноземныхъ эксплуататоровъ.

Предпосылкой для подобнаго расширенія государства является только собственное превосходство въ средствахъ. Экономическая необходимость, въ родѣ поощренія собственной промышленности, здѣсь не имѣетъ значенія, здѣсь играетъ только роль потребность въ обладаніи, по возможности, большимъ количествомъ средствъ потребленія и стремленіе къ обладанію средствами власти. Это ничто иное, какъ примитивный грабежъ, возведенный въ постоянную систему.

Экспансивная политика только тамъ имѣетъ основой

дѣйствительную экономическую потребность, гдѣ она является слѣдствіемъ избытка людей въ метрополіи. Такого рода стремленія къ расширенію сыграли крупную роль въ исторіи человѣчества, но не въ періодѣ капиталистической колоніальной политики. Эта политика въ 17 и 18 ст. сопровождалась безпрерывными сѣтованіями на недостатокъ людей въ европейскихъ государствахъ и постоянными попытками увеличить количество народонаселенія. Мы замѣчаемъ также, на ряду съ этимъ, кое-гдѣ и широкую эмиграцію, но она вызывалась не чрезмѣрнымъ увеличеніемъ народонаселенія, а политическимъ гнетомъ возникшаго абсолютизма, экономическимъ давленіемъ, лишавшимъ собственности крестьянское населеніе и увеличивавшимъ число неимущихъ.

То же самое повторяется въ 19 и 20 столѣтіяхъ. Мѣстности, поставляющія самое большое число эмигрантовъ, вывозятъ на ряду съ людьми также и средства пропитанія. Итакъ, недостатокъ въ средствахъ пропитанія отнюдь не является причиной эмиграціи.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе заявленія современныхъ колоніальныхъ политиковъ, что колоніи необходимы для сбыта туда излишка людей въ промышленныхъ странахъ. Въ настоящее время наибольшее число эмигрантовъ поставляютъ именно аграрныя страны, какъ Россія, Балканскія государства, Ирландія, Индія. Густо населенныя промышленныя страны, наоборотъ, привлекаютъ къ себѣ эмигрантовъ.

Среди аграрныхъ классовъ крупный землевладѣлецъ въ значительно бо́льшей степени преслѣдуетъ экспансивную политику, чѣмъ крестьянинъ. Послѣдній не требуетъ больше земли, чѣмъ ему и его семьѣ нужна для веденія собственнаго хозяйства. Крупный землевладѣлецъ, который обрабатываетъ свою землю не самъ, а при помощи оброчныхъ крестьянъ или батраковъ, желаетъ, конечно, имѣть возможно больше земли. Тамъ, гдѣ феодальное дворянство имѣло въ своемъ распоряженіи военную силу, оно стремилось къ расширенію государственной области, которая, понятно, должна была стать его собственной областью. Такъ, напр., дворянство было въ средневѣковомъ періодѣ душой нѣмецкой экспансивной политики по отношенію къ славянамъ, въ Испаніи и Франціи оно являлось наравнѣ съ абсолютизмомъ движущей осью колоніальной политики 16 и 17-го столѣтій. Въ Америкѣ испанскіе и французскіе завоеватели насаждали новыя феодальныя господства. Испанская часть Америки и Испанія еще по

сей день страдаютъ отъ послѣдствій этой экспансивной политики, меньше всего способствовавшей экономическому развитію. Она укрѣпила абсолютизмъ и феодализмъ въ Испаніи, и втянула ее одновременно въ непрерывный рядъ войнъ, которыя въ концѣ-концовъ раззорили страну, несмотря на громкіе и продолжительные успѣхи испанскихъ войскъ на поляхъ сраженій.

Система латифундій, введенная испанцами въ ихъ американскихъ владѣніяхъ, препятствовала также ихъ экономическому подъему и политическому объединенію. Положеніе дѣлъ въ Мексикѣ является результатомъ безпрепятственнаго господства крупнаго землевладѣнія. Оттого, что оно стало теперь предавать интересы государства американскимъ и европейскимъ спекулянтамъ, положеніе дѣлъ также не улучшилось.

Франція менѣе потерпѣла отъ своей американской колоніальной политики въ 18-мъ вѣкѣ только потому, что ея колоніи перешли въ руки англичанъ. Ея колоніальная политика не укрѣпила феодализма и абсолютизма, какъ въ Испаніи, ея неуспѣхъ, наоборотъ, имѣлъ скорѣе результатомъ ослабленіе и сверженіе старой власти—во время французской революціи, что привело освобожденную отъ колоніальныхъ обузъ страну къ новому чрезвычайному подъему.

Въ Соединенныхъ Штатахъ экспансивную политику преслѣдовали преимущественно крупные рабовладѣльцы южныхъ штатовъ. Ихъ способъ производства сводился къ такой хищнической разработкѣ полей, что она быстро истощала почву и вызывала стремленіе къ обладанію все новыми областями, пригодными для производства табака и хлопка. При ихъ поощреніи были предприняты Соединенными Штатами крупные завоевательные походы противъ Мексики, благодаря которымъ въ періодѣ 1844—1848 гг. Штаты присоединили къ себѣ Техасъ, Калифорнію и Новую Мексику—область, почти въ три раза превышающую территорію всей Германіи.

Когда во время освободительной войны, начавшейся въ 1861 г., власть рабовладѣльцевъ была сломлена промышленными капиталистами, пролетаріатомъ и крестьянствомъ, экспансивныя стремленія Соединенныхъ Штатовъ пріостановились надолго, къ большой выгодѣ ихъ экономическаго развитія.

Товарное производство развиваетъ новые факторы, вызывающіе подчасъ стремленія къ расширенію государства. Наиболѣе примитивное стремленіе вызывается открытіемъ

въ какой-нибудь мѣстности весьма ходкаго товара. Сейчасъ же является желаніе завладѣть этой областью. Сильнѣйшее вожделѣніе вызываетъ естественно товаръ, сулящій при всѣхъ обстоятельствахъ могущество и богатство, по той причинѣ, что онъ полезенъ всякому, что всякій его охотно беретъ и что нѣтъ предѣла въ стремленіи обладать имъ: этотъ товаръ—деньги, золото и серебро.

Онъ былъ первой приманкой, привлекавшей испанцевъ въ Америку: введеніе латифундій послѣдовало лишь позже. Въ Калифорніи же, наоборотъ, золото подняло цѣнность латифундій и привлекло безчисленное количество эмигрантовъ. Австралія пріобрѣла для Англіи тоже значеніе, только благодаря золоту.

Погоня за золотомъ еще по сей день является одной изъ движущихъ силъ колоніальной и экспансивной политики, какъ показала намъ бурская война. Въ ней особенно ярко обнаружились черты новаго имперіализма. Она впервые рѣзко подчеркнула въ англійскихъ рабочихъ массахъ противорѣчіе между имперіализмомъ и соціализмомъ. И всетаки эта война не была имперіалистической въ строгомъ смыслѣ слова.

Мы не должны забыть, что нѣкоторые изъ нашихъ товарищей считаютъ имперіализмъ необходимымъ для дальнѣйшаго развитія промышленности. Въ этомъ якобы заключается его значеніе для рабочаго класса. Они при этомъ могутъ имѣть только въ виду промышленную сторону имперіализма, соединеніе финансоваго капитала съ промышленнымъ, съ одной стороны, и потребность вывоза капитала, съ другой стороны. Оба фактора не играли большой роли въ бурской войнѣ. Это былъ не столько промышленный капиталъ, превращенный въ финансовый, сколько финансовый капиталъ въ чистомъ видѣ, стремившійся къ обладанію золотыми и алмазными копями. Не столько потребность добывать золото путемъ вывоза, сколько потребность въ добычѣ золота безъ товарообмѣна толкало на завоеваніе этой страны. Это были тѣ же побудительныя силы, которыя воодушевляли и испанцевъ въ 16 ст. съ той только разницей, что онѣ были на руку не абсолютизму и феодализму, а только нѣсколькимъ финансовымъ магнатамъ.

Новые источники золота и серебра могутъ, конечно, весьма способствовать развитію капиталистической промышленности, но не обязательно именно того государства, которое обладаетъ областями съ богатыми золотыми и серебряными копями.

Значительное количество добываемыхъ въ испанской Америкѣ благородныхъ металловъ служило еще въ большей степени, чѣмъ латифундіи, укрѣпленію абсолютизма, феодализма и клерикализма въ метрополіи, но отнюдь не буржуазнымъ классамъ. Богатыя сокровища растрачивались на ввозъ предметовъ роскоши, еще болѣе на безконечныя войны, опустошившія и обезлюдившія страну, несмотря на то, что она долго не подвергалась непріятельскому вторженію.

Не такимъ сильнымъ стимуломъ, какъ золото и серебро, но все-таки иногда весьма важнымъ, являлись всякіе рѣдкіе продукты, въ особенности драгоцѣнные мѣха. Желаніе обладать ими побудило англичанъ и французовъ занять Сѣверную Америку, привело русскихъ къ покоренію Сибири.

Всякого рода пряности, на которыя въ 16 ст. былъ большой спросъ, считались въ то время однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ, что привлекало сначала португальцевъ, а за ними и голландцевъ въ Индію. Современная медицина и химія положили конецъ притягательной силѣ отдѣльныхъ ограниченныхъ областей.

Другой товаръ, «производство» котораго особенно успѣшно идетъ въ Африкѣ,—экспортируемыя и продажныя рабочія силы, въ значительной степени способствовалъ такъ называемой «колонизаціи» ея. Торговля живымъ товаромъ была въ 16 и 17-мъ столѣтіяхъ весьма доходной статьей, и это побудило самыя различныя государства, въ томъ числѣ и нѣмецкое, захватить африканскія области для охоты за людьми съ цѣлью продажи ихъ. Въ нынѣшнее время центральная Африка обязана своимъ превращеніемъ въ колоніальную страну преимущественно погонѣ за слоновой костью и каучукомъ.

Такого рода стимулы экспансивной политики обычно не долговѣчны, такъ какъ исходнымъ пунктомъ является возможно быстрая эксплуатація, что приводитъ къ уничтоженію дарованныхъ природой продуктовъ, а не къ планомѣрному искусственному производству ихъ. Это тѣмъ болѣе толкаетъ къ быстрымъ дѣйствіямъ, къ занятію все новыхъ областей,—то же самое, къ чему приводила хищническая разработка плантацій въ южно-американскихъ Штатахъ. Все усиливавшееся уничтоженіе пушныхъ звѣрей заставило русскихъ съ невѣроятной стремительностью исколесить Сибирь вдоль и поперекъ и всю ее занять. Не менѣе быстрое уничтоженіе слоновъ и каучуковыхъ деревьевъ побуждало къ весьма спѣшному занятію и аннексіи центральной Аф-

рики. Въ интересахъ поддержки постояннаго ввоза этихъ ходкихъ продуктовъ лежитъ, однако, ограниченіе, а не поощреніе экспансивности такихъ хищническихъ способовъ эксплуатаціи. Чѣмъ сильнѣе опасность, что данные продукты, благодаря охотѣ или срубкѣ, будутъ добываться во все новыхъ областяхъ вплоть до окончательнаго исчезновенія ихъ, тѣмъ необходимѣе принудительное и планомѣрное производство ихъ въ извѣстныхъ областяхъ.

Стремленіе къ добыванію драгоцѣнныхъ продуктовъ и къ занятію областей, изобилующихъ этими продуктами, имѣетъ, конечно, своей предпосылкой товарообмѣнъ. Охотникъ не охотится за пушными звѣрьми, потому что ему нужна шуба—эту потребность онъ быстро удовлетворилъ бы, а только потому, что торговецъ скупитъ у него всю добычу.

Стремленіе къ расширенію свойственно торговлѣ съ самаго ея возникновенія. Она возникла въ видѣ внѣшней торговли раньше, чѣмъ въ видѣ внутренней. Первой ея формой была торговля между двумя разными общинами. Она старше, чѣмъ торговля внутри одной общины. Рука объ руку со стремленіемъ къ расширенію идетъ у нея стремленіе къ монополизаціи и одновременно также къ конкуренціи. Монополіи для себя—конкуренція для другихъ. Движущей осью ея является прибыль, получаемая отъ того, что торговецъ дешево покупаетъ и дорого продаетъ. Онъ дешевле всего купитъ тогда, если онъ окажется на рынкѣ единственнымъ покупателемъ, а число желающихъ продать товаръ—чрезвычайно большимъ. Продать же за дорогую цѣну ему удастся тогда, если онъ будетъ единственнымъ продавцомъ, а число покупателей—сравнительно большимъ. Купецъ стремится, поэтому, отстранить конкурентовъ отъ рынка, что возможно обычно только путемъ насилія. Онъ одинъ, понятно, не въ состояніи этого сдѣлать. Государство должно притти ему на помощь. Купецъ склоняется, поэтому, на сторону сильной, но преданной ему государственной власти и стоитъ за расширеніе подчиненной ей территоріи и за дарованіе ему по возможности спеціальныхъ привилегій въ другихъ областяхъ. Этого онъ легче всего достигаетъ путемъ объединенія съ финансовымъ капиталомъ—союзъ значительно болѣе старый, чѣмъ союзъ между промышленнымъ и финансовымъ капиталомъ.

Во всей европейской колоніальной политикѣ, начиная съ 16-го столѣтія, значительную и все растущую роль играютъ торговыя и акціонерныя общества, которымъ

государство даетъ право торговой монополіи, они въ колоссальной степени способствовали развитію капитализма. И тѣмъ не менѣе они сами стали тормозомъ для дальнѣйшаго развитія, которое только тогда пошло впередъ, когда образовались политическія и экономическія силы, достаточныя для того, чтобы сломить монополіи этихъ обществъ и положить предѣлъ ихъ экспансивной политикѣ.

Промышленный капиталистъ по сущности своей также только купецъ. Движущей силой для него также является только прибыль, онъ также заинтересованъ въ томъ, чтобы дешево купить и дорого продать. Но важнѣйшимъ источникомъ его прибыли является рабочая сила, обладающая способностью производить цѣнность больше собственной своей стоимости. Правда, его прибыль зависитъ не только отъ этого. Если онъ купитъ сырье невыгодно, слишкомъ дорого заплатитъ за него или если онъ обзаведется плохими машинами, то это можетъ сильно сократить его прибыль. Это можетъ также случиться тогда, когда онъ неправильно оцѣнитъ спросъ, когда произведенный имъ товаръ залежится слишкомъ долго или вообще не найдетъ сбыта. Въ этомъ отношеніи онъ ничѣмъ не отличается отъ купца. Но для него является, однако, побочнымъ явленіемъ то, что составляетъ для купца содержаніе всѣхъ его стремленій къ прибыли. Главное для промышленнаго капиталиста—это дешевая купля рабочихъ и эксплуатація ихъ до крайнихъ предѣловъ.

Поэтому, онъ также желаетъ для себя монополіи, а для другихъ, для рабочихъ, ему выгоднѣе конкуренція. Союзъ предпринимателей уже издавна для него—священный институтъ, а рабочія организаціи—дѣло проклятыхъ подстрекателей.

Но онъ желаетъ, чтобы конкуренція была не только среди рабочихъ, но и среди торговцевъ, поставляющихъ ему сырой матеріалъ, а его рабочимъ средства пропитанія, и среди торговцевъ, покупающихъ его товаръ.

Чѣмъ больше торговцевъ появляется на рынкѣ, тѣмъ ему выгоднѣе. Итакъ, долой всѣ торговыя монополіи, долой отстраненіе иностранныхъ купцовъ отъ рынка! Полная свобода для всѣхъ торговцевъ всѣхъ націй!

Промышленный капиталъ помогъ этому взгляду одержать полную побѣду. Благодаря этой побѣдѣ его развитіе пошло быстрыми шагами впередъ, производя одно-

временно полный переворотъ въ интернаціональныхъ отношеніяхъ.

Монополіи, къ которой стремились торговцы или торговыя кампаніи, можно было добиться только путемъ власти, собственной или государственной. Пока продолжалось это монопольное хозяйство, каждое торговое судно было одновременно военнымъ, и, правда, не всякій англичанинъ, но всякій торговецъ, къ какой бы націи онъ не принадлежалъ, имѣлъ «пирата въ груди». Торговыя суда націй, потерпѣвшихъ пораженіе въ морскихъ бояхъ, прогонялись съ моря не только на время, но навсегда. Къ той эпохѣ примѣнимы слова, что торговля идетъ за флагомъ, т.-е. за военнымъ флагомъ. Тогда морская торговля Англіи достигла благодаря могуществу ея военнаго флота мірового господства, или, вѣрнѣе, оба явленія стояли въ самомъ тѣсномъ взаимодѣйствіи другъ съ другомъ. Ибо безъ обилія смѣлыхъ и опытныхъ моряковъ, выдвинутыхъ подъемомъ въ морской торговлѣ и рыбной ловлѣ, англійскій военный флотъ не достигъ бы такого господствующаго положенія. Одной постройкой военныхъ судовъ такіе результаты еще не достигаются.

Начиная съ 19-го столѣтія, со времени крушенія эры торговыхъ монополій, слова—«торговля идетъ за флагомъ»—стали анахронизмомъ. Въ нынѣшнее время нормальнымъ состояніемъ для торговли является миръ, а ея движущей силой—не защищающія монополію пушки, не торпедо, а прибыль. Покупаютъ у того, кто дешевле другихъ поставляетъ, а не у того, у кого наиболѣе сильный военный флотъ.

Даже пароходныя общества не зависятъ отъ силы военнаго флота. Въ Европѣ послѣ Англіи и Германіи наиболѣе сильнымъ торговымъ флотомъ обладаетъ Норвегія: въ 1911 году ея флотъ насчитывалъ 1.646.000 номинальныхъ тоннъ. Онъ—больше торговыхъ флотовъ крупнѣйшихъ послѣ Англіи и Германіи европейскихъ морскихъ державъ, больше французскаго флота съ его 1.462.247 тоннами, итальянскаго, насчитывавшаго въ 1910 г. 1.107.190 тоннъ, и тѣмъ болѣе русскаго, который въ 1913 г. имѣлъ всего 756.000 тоннъ. Флоты Швеціи, Норвегіи и Даніи вмѣстѣ взятые были въ 1913 г. почти также сильны (2.990.290 тоннъ), какъ германскій торговый флотъ съ его водоизмѣстимостью въ 3.153.724 тоннъ.

Но морская торговля тѣмъ не менѣе не зависитъ отъ пароходныхъ обществъ, отъ величины торговаго флота. Страна, правда, теряетъ доходъ отъ провоза, но это не

можетъ тормозить развитія ея промышленности. Торговый флотъ Соединенныхъ Штатовъ весьма незначителенъ, а морская торговля—первая въ мірѣ послѣ англійской. Въ 1912—1913 г. къ ихъ гаванямъ пристали корабли водоизмѣстимостью въ 50,6 милл. номинальныхъ тоннъ, къ гаванямъ Великобританіи и Ирландіи—76,2 милл. тоннъ, а къ гаванямъ Германіи всего только 25,5 милл.

Наиболѣе поразительный примѣръ того, насколько расширеніе морской торговли не зависитъ отъ флота, даетъ намъ Бельгія. Ея военный флотъ равенъ нулю, ея торговый флотъ охватывалъ въ 1912 г. 105 судовъ, водоизмѣстимостью въ 181.600 номинальныхъ тоннъ. А въ бельгійскихъ гаваняхъ перебывали въ 1912 г. суда съ 16,4 милл. тоннами, изъ нихъ 14,5 милл. чужихъ и 1,9 милл. собственныхъ.

Если бы англичане даже имѣли намѣреніе и возможность уничтожить нѣмецкій торговый флотъ—то и другое одинаково невѣроятно,—то это не означало бы еще уничтоженія нѣмецкой морской торговли и промышленности. Это причинило бы, конечно, ущербъ нѣмецкому благосостоянію, также какъ и всякое другое уничтоженіе равныхъ ему цѣнностей, какъ, напр., разореніе Восточной Пруссіи вслѣдствіе войны или уплата контрибуціи.

Уничтоженіе такого большого количества средствъ транспорта было бы, несомнѣнно, большимъ ударомъ для торговли и торговыхъ сношеній—но не только для нѣмецкой торговли, но и для всей интернаціональной. И обратно, нѣмецкая торговля пострадала бы, если вслѣдствіе уничтоженія англійскаго флота производительность интернаціональнаго торговаго флота уменьшилась вдвое.

Въ 1912 г. перебывало въ нѣмецкихъ гаваняхъ, помимо каботажа, нѣмецкихъ судовъ въ 13 милл. номинальныхъ тоннъ (точно: 12.960.273) и почти столько же иностранныхъ (12,5 милл. точно: 12.529.776), изъ нихъ половина англійскихъ (6 милл. тоннъ, точно: 5.957.123).

Въ 1651 г. Англія могла еще провести навигаціонный актъ, по которому товаръ въ Англію могъ быть привезенъ только на англійскихъ судахъ, или на судахъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ этотъ товаръ производился. Начиная съ 1815 г., англичане принуждены были отказываться отъ одного пункта за другимъ этого закона отчасти потому, что другія державы стали учинять затрудненія англійской торговлѣ, между ними такія, которыя, не обладая значительнымъ военнымъ флотомъ, поддерживали, однако, крупныя торговыя сношенія съ Англіей (сна-

чала Америка, потомъ Пруссія), отчасти же потому, что англійская торговля сама страдала отъ этого закона. Въ 1849 г. этотъ актъ былъ окончательно отмѣненъ. Съ тѣхъ поръ интернаціональная торговля достигла уже такого развитія, что подобный законъ невозможно было бы провести: онъ причинилъ бы невѣроятный ущербъ міровой торговлѣ, и потому ни одинъ человѣкъ не думаетъ даже теперь о такихъ ограниченіяхъ, какимъ пиратомъ онъ ни былъ бы въ душѣ.

Правда, послѣднія десятилѣтія породили, благодаря все ростущему объединенію финансового капитала съ промышленнымъ, новыя монопольныя стремленія. Но онѣ не сводятся больше къ національнымъ торговымъ монополіямъ, или къ необходимости войнъ въ защиту этихъ монополій и для уничтоженія чужой торговли. Новыя монопольныя стремленія имѣютъ цѣлью экономическое господство надъ наиболѣе крупными путями сообщенія и источниками средствъ производства. Поскольку эти стремленія охватываютъ также морскую торговлю, онѣ должны быть въ силу ея размѣровъ и ея природы интернаціональными. Въ образовавшихся пароходныхъ трэстахъ и линіяхъ англійскіе и нѣмецкіе пароходовладѣльцы дружно работаютъ вмѣстѣ надъ поднятіемъ фрахта.

Торговля же, сама по себѣ, внѣ зависимости отъ пароходныхъ обществъ, ни въ малѣйшей степени не заинтересована въ успѣхѣ монополистическихъ стремленій, суживающихъ ее также, какъ и промышленность.

Рядомъ со стремленіемъ къ пріобрѣтенію торговыхъ монополій и къ расширенію своей области, существовало еще другое, созданное возникновеніемъ товарной торговли, экспансивное стремленіе, историческое дѣйствіе котораго еще сильно и понынѣ. Его почему-то принято считать имперіалистскимъ, хотя оно возникло значительно раньше имперіалистическаго періода: это стремленіе къ обладанію морскими базами.

Морской транспортъ уже издавна считается наиболѣе дешевымъ способомъ перевозки. Для такихъ товаровъ, какъ зерно, дрова, металлы, онъ былъ долгое время единственно возможнымъ способомъ перевозки ихъ. Но и теперь, когда желѣзныя дороги сдѣлались доступнымъ и поразительно дешевымъ способомъ перевозки, морской путь, тѣмъ не менѣе, остается въ тѣхъ случаяхъ, когда быстрота и точное соблюденіе срока поставки не играютъ существенной роли, наиболѣе выгоднымъ для перевозки всѣхъ видовъ товара.

Этимъ еще не исчерпываются выгоды свободнаго выхода къ морю для участія въ міровыхъ сношеніяхъ: море—единственный путь, который, по крайней мѣрѣ, въ мирное время всѣмъ доступенъ, которымъ каждый имѣетъ безусловное право пользоваться. Страна, отрѣзанная отъ моря, находится всегда въ зависимости отъ таможенной и тарифной политики, состоянія желѣзныхъ дорогъ и каналовъ въ сосѣднихъ странахъ, а эти находящіеся на чужой территоріи пути сообщенія не только не приноравливаются къ ея потребностямъ, но служатъ нерѣдко противоположнымъ интересамъ.

Только страна, владѣющая морской гаванью, находится въ непосредственной связи съ міровымъ рынкомъ. Какъ только послѣдній пріобрѣтаетъ значеніе для государства, какъ только ввозъ и вывозъ становятся для него жизненнымъ интересомъ, сейчасъ же является потребность продвинуться къ морю, поскольку это возможно.

Сербія еще по сей день находится въ стадіи, въ которой образованіе національнаго государства является потребностью не только демократическихъ слоевъ ея, но и господствующихъ классовъ. Тѣмъ не менѣе, стремленіе къ морской базѣ, выразившееся во время турецкой войны въ желаніи завладѣть албанской гаванью Дураццо, казалось сильнѣе національнаго принципа. Если въ результатѣ войны возродится самостоятельная Польша, то этимъ будетъ положено начало ея стремленію къ обладанію базой на Балтійскомъ морѣ. Въ рукахъ старой польской республики находился, въ числѣ другихъ гаваней, также приморскій городъ Данцигъ.

Когда Петръ Великій рѣшилъ связать Россію съ міровой торговлей, онъ первымъ дѣломъ сталъ искать возможности проникнуть къ морю. Ему удалось продвинуть Россію до Балтійскаго моря, а Екатерина II ради той же цѣли продвинула имперію до Чернаго моря. Но оба моря, какъ Балтійское, такъ и Черное,—внутреннія моря и сообщеніе черезъ нихъ съ міровымъ океаномъ можетъ быть въ любой моментъ прервано. Отсюда стремленіе Россіи къ Константинополю, который является ключомъ къ Черному морю, что дѣлаетъ вывозъ важнѣйшаго предмета изъ южныхъ губерній Россіи—зерна—зависимымъ отъ доброжелательности Босфора.

Если бы дѣло шло только о торговлѣ Россіи, то ея стремленіе къ Константинополю не натолкнулось бы на сопротивленіе капиталистическихъ націй Запада, одинаково заинтересованныхъ въ процвѣтаніи торговли съ Рос-

сіей. По этой причинѣ англійскіе фритрэдэры и промышленники, и именно радикальные элементы среди нихъ, были всегда руссофилами, къ большому огорченію Маркса и Энгельса.

Россія, однако, представляетъ собой также и колоссальную военную силу. Она до сихъ поръ была единственнымъ государствомъ, которое было бы въ состояніи сокрушить господство англичанъ въ Индіи. Но она также представляла бы опасность для средиземныхъ державъ съ того момента, какъ ей удалось бы создать базу въ Константинополѣ, позволяющую ей распространить свое господство на Грецію, Малую Азію, Сирію и Египетъ.

Поэтому средиземныя державы всегда оказывали сопротивленіе стремленію Россіи проникнуть до Константинополя. Ея военная сила служила въ значительно большей степени препятствіемъ къ осуществленію ея стремленій, вслѣдствіе вызываемого ею недовѣрія, чѣмъ средствомъ, поощряющимъ ея движеніе туда. Это не единственный примѣръ въ міровой исторіи, когда чрезвычайно сильное военное могущество достигаетъ результатовъ, противуположныхъ тѣмъ, какихъ слѣдовало бы ожидать, и это исключительно вслѣдствіе опасеній, вызываемыхъ имъ у другихъ державъ. Эти опасенія заставляютъ другія державы вступить между собой въ союзъ противъ того, кого они считаютъ угрозой для всѣхъ.

Необходимость прямого сообщенія съ міровымъ рынкомъ ощущается всѣми классами, заинтересованными въ міровой торговлѣ, и чѣмъ больше послѣдняя охватываетъ весь хозяйственный процессъ, тѣмъ болѣе эта потребность становится общей для всей націи, въ томъ числѣ и крестьянъ и промышленниковъ.

Но и по другой причинѣ промышленный капиталъ можетъ еще и въ до-имперіалистской эпохѣ обнаружить стремленіе къ экспансивной политикѣ. Условія капиталистической промышленности въ нѣкоторыхъ государствахъ настолько невыгодны, что она никоимъ образомъ не можетъ конкурировать на міровомъ рынкѣ. Къ этимъ невыгоднымъ условіямъ производства относится прежде всего отсталость рабочаго класса. Человѣкъ—наиболѣе благородное средство производства, качество его имѣетъ рѣшающее значеніе для процвѣтанія промышленности. Государство ничѣмъ сильнѣе не можетъ способствовать развитію промышленности, чѣмъ широко охватывающимъ попеченіемъ о физическомъ и духовномъ развитіи рабоча-

го класса, ничѣмъ сильнѣе не можетъ вредить ему, чѣмъ приниженіемъ и подавленіемъ трудящихся классовъ.

Чѣмъ сильнѣе они придавлены, забиты, чѣмъ менѣе продуктивенъ ихъ трудъ, въ тѣмъ большей степени зависитъ промышленность отъ высокихъ охранительныхъ пошлинъ, если она хочетъ отстоять свои интересы въ интернаціональной конкуренціи. При этомъ, однако, всякая капиталистическая индустрія должна развиваться, должна расширять свою область сбыта. Если она не въ состояніи выступить на міровомъ рынкѣ, то она стремится расширить внутреннюю область сбыта, раздвигая таможенныя границы, охраняющія ее, т.-е. увеличивая государственную область.

Лучшимъ доказательствомъ этого въ настоящее время является также Россія.

Ея промышленный пролетаріатъ, отягощенный традиціями крѣпостничества, насильственно оставляемый государственной властью въ невѣжествѣ, лишенный права на организацію, изнуренный чрезмѣрной работой и пьянствомъ, даже въ отдаленной степени не былъ приспособленъ къ такой работѣ, которая могла бы выдержать сравненіе съ работой средне-европейскаго пролетаріата.

Но тѣ же обстоятельства, деградировавшія рабочаго и понижавшія уровень его производительности, понизили также потребленіе русскихъ крестьянъ, т.-е. не потребности ихъ, а покупательную силу для сравнительно плохихъ и дорогихъ продуктовъ русской промышленности. Самымъ удобнымъ и простымъ средствомъ для увеличенія рынка сбыта казалось расширеніе государственной территоріи, но не на западъ, населенный способными къ сопротивленію націями съ современной демократіей и развитой промышленностью, а на востокъ,—съ его отсталыми областями съ примитивной демократіей и господствующимъ надъ ней восточнымъ деспотизмомъ, безсильнымъ въ военномъ отношеніи. Россія вступила на Кавказъ, проникла въ Центральную Азію вплоть до Гиммалайскихъ горъ, захватила Манджурію и еще въ наше время пыталась овладѣть Монголіей и Персіей.

Рѣшающими факторами являлись при этомъ не только нужды капиталистической индустріи. Еще сильнѣе дѣйствовало наиболѣе примитивное стремленіе къ расширенію, наблюдаемое еще съ самаго начала исторіи, характеризирующее всякій восточный деспотизмъ: потребность въ увеличеніи числа областей, платящихъ ему дань, что въ новѣйшее время видоизмѣнилось въ стремленіе увели-

чить число плательщиковъ податей и количество уплачиваемаго налога, создать для финансоваго капитала новыя поставки и объекты для эксплуатаціи, повысить число хорошо оплачиваемыхъ должностей для офицеровъ и бюрократіи и этимъ увеличить средства власти абсолютизма.

Для русской индустріи было бы важнѣе ограничить вліяніе и доходъ этихъ классовъ. На суммы, израсходованныя на экспансивную политику и войны, вызванныя ею за послѣднія 100 лѣтъ, можно было бы выстроить безчисленное количество школъ, значительно улучшить пути сообщенія, поднять интенсивность сельскаго хозяйства крестьянъ, что все вмѣстѣ способствовало бы, съ одной стороны, быстрому увеличенію потребленія сельскихъ классовъ и производительности индустріальныхъ рабочихъ, а съ другой стороны, подняло бы на высокую ступень сбытъ и способность къ конкуренціи русской индустріи.

Но методъ расширенія государственной области былъ, однако, болѣе удобнымъ, не только потому, что онъ требовалъ меньшей затраты мысли, но главнымъ образомъ потому, что онъ не только не наталкивался на сопротивленіе господствующихъ классовъ, но находилъ себѣ полную поддержку ихъ. Этотъ методъ былъ вызванъ къ жизни исключительно соображеніями власти, а не экономической необходимостью. Развитіе экономическихъ силъ подвинулось бы значительно успѣшнѣе впередъ, если бы оно сломило эти отношенія власти.

Если русская индустрія тѣмъ не менѣе по своей продуктивности теперь все болѣе приближается къ западноевропейской, то она обязана этимъ не экспансивной политикѣ государства, а притоку иностраннаго капитала и совершившемуся въ концѣ-концовъ, несмотря на препятствія, подъему рабочаго движенія.

Всѣ разсмотрѣнныя нами до сихъ поръ экспансивныя стремленія, строго говоря, по природѣ своей—не имперіалистичны. Но наврядъ ли существуетъ какое-нибудь имперіалистическое направленіе, не проникнутое экспансивными стремленіями изложенныхъ здѣсь до-имперіалистическихъ формъ.

Каждое изъ этихъ стремленій обусловлено экономически, но большинство изъ нихъ въ экономическомъ отношеніи не только не необходимо, но даже вредно: это продукты силъ, не способствующихъ, а ограничивающихъ промышленное развитіе. Чѣмъ больше удается оттѣснить ихъ, тѣмъ успѣшнѣе идетъ впередъ экономическое развитіе.

---

4. Различные виды и объекты имперіализма.

в) Британскій союзъ государствъ.

Среди колоніальныхъ державъ 17 и 18-го столѣтія Англія была единственной, индустріальное развитіе которой сильно подвинулось впередъ, благодаря колоніальной политикѣ. Правда, при возникновеніи ея также играли роль стремившаяся къ абсолютизму королевская власть и дворянство, стремившееся къ феодальному землевладѣнію, но морская торговля и колоніальныя владѣнія Англіи пріобрѣли, однако, крупное значеніе уже въ такое время, когда капиталистическіе классы настолько окрѣпли въ политическомъ и экономическомъ отношеніи, что могли обезпечить себѣ долю въ плодахъ этой власти и этихъ владѣній въ интересахъ торговли и промышленности. Начало морскому владычеству Англіи было положено буржуазной революціей. Эта революція привела въ серединѣ 17 ст. къ побѣдѣ и окончательно завершилась «достославной» революціей 1688 года, ознаменовавшейся переходомъ государственной власти въ руки новой династіи и дворянства, преданныхъ, даже подчиненныхъ капиталистическимъ интересамъ и раздѣлявшихъ свою власть съ представителями высшихъ капиталистическихъ слоевъ, засѣдавшими въ парламентѣ. Не менѣе своеобразно, чѣмъ въ 18 ст., сложилась англійская колоніальная политика въ 19 ст. Она держится на двухъ столпахъ, равными которымъ не обладаетъ и не можетъ обладать никакая другая колоніальная держава. Если когда-либо наступитъ моментъ, когда англійскія колоніи стряхнутъ съ себя верховное владычество Англіи, то ни одна держава не будетъ больше въ состояніи подчинить ихъ своей власти. И мы нигдѣ не видимъ необходимыхъ предпосылокъ для созданія чего-нибудь подобнаго.

Однимъ изъ этихъ двухъ столповъ британской колоніальной имперіи являются ея три крупныхъ аграрныхъ колоніи съ европейской культурой: Канада, Южная Аф-

рика и Австралія. Ихъ населеніе, правда, немногочисленно по сравненію съ количествомъ народонаселенія всѣхъ британскихъ владѣній, достигающаго ровнымъ счетомъ 400 милл. Но онѣ представляютъ собой крупную политическую и экономическую силу. Ихъ населеніе не только вышло уже изъ стадіи примитивной демократіи, но въ полномъ размѣрѣ проникнуто стремленіями современной демократіи, даже еще въ большей степени, чѣмъ любая европейская нація, потому что оно, какъ и населеніе Соединенныхъ Штатовъ, не обременено пережитками временъ феодализма и абсолютизма, ни въ государственномъ управленіи, ни въ мышленіи.

И въ экономическомъ отношеніи эти колоніи пріобрѣтаютъ какъ въ качествѣ покупателей, такъ и продавцовъ, такое колоссальное значеніе для мірового рынка, на которое только способно плодотворное, не обремененное никакими сильными тягостями, современное сельское хозяйство.

Канада насчитывала въ 1911 году свыше 7 милл. жителей, Южно-африканскій союзъ—6 милл., австралійскій союзъ государствъ, включая Новую Зеландію—5,5 милл.

Въ 1912 г. было вывезено англійскихъ продуктовъ изъ Великобританіи и Ирландіи въ колоніи всего на сумму 177 милл. ф. стерл. Изъ нихъ больше половины было отправлено въ вышеназванныя три колоніи: въ Канаду и Нью-Фаундлэндъ—на 24,4 милл., въ Австралію и Новую Зеландію—на 45,2 милл.,—въ Южную Африку (Капскую колонію, Наталь, Трансвааль и Оранжевую республику)—21,4 милл., всего на 91 милл. ф. стерл. Помимо ихъ, для колоніальнаго вывоза еще играетъ роль Британская Индія, которая вмѣстѣ съ Цейлономъ получила въ 1912 г. изъ Англіи продуктовъ на 60,5 милл. ф. стерл. На остальныя британскія колоніи приходится только 25,5 милл. ф. стерл., изъ нихъ 3,5 милл., отправляемыхъ въ Гонгконгъ, слѣдовало бы скорѣй считать за Китаемъ. На африканскія колоніи (кромѣ вышеназванныхъ южно-африканскихъ государствъ) приходится остатокъ въ 8,1 милл.

При этомъ мы, однако, не принимали во вниманіе Египта, не считая его англійскимъ владѣніемъ. Онъ въ 1912 г. получилъ изъ Англіи продуктовъ на сумму въ 9,5 милл. ф. стерл.

Сходную картину представляетъ собой ввозъ. Ввозъ товаровъ изъ колоній въ Соединенное королевство достигъ въ 1912 г. цѣнности въ 186 милл. ф. стерл. Большая половина продуктовъ была доставлена изъ упомянутыхъ выше

трехъ колоній: Канады—27,7 милл., Австраліи—56,4, Южной Африки—11,2, всего 95,3 милл. Изъ Остъ-Индіи было вывезено продуктовъ на 59,7 милл., изъ всѣхъ остальныхъ колоній вмѣстѣ—на 31 милл., при чемъ изъ Африки, помимо Южной Африки—на 6,4 милл. Кромѣ того, изъ Египта было еще вывезено продуктовъ на 25,8 милл.

Уже однѣ эти цифры показываютъ, какую преобладающую экономическую роль играютъ въ британской колоніальной имперіи эти три крупныхъ области съ европейскимъ населеніемъ.

Еще выпуклѣе обнаруживается это значеніе, если обратить вниманіе на громадныя суммы капитала, вывозимаго Англіей въ эти колоніи. Я привожу далѣе цифры, указываемыя Аскью въ его брошюрѣ о британскомъ имперіализмѣ (Брит. имперіализмъ, стр. 38).

По его даннымъ, Англія вложила въ свои колоніи въ промежуткѣ между 1908—1913 г.г. въ видѣ капитала 439,5 милл. ф. стерл. Изъ нихъ 35,4 въ Южной Африкѣ, 64,3 въ Австраліи и не менѣе 223,8 милл. въ Канадѣ—въ этой странѣ будущаго. На всѣ эти три области пришлось 323,5 милл. ф. стерл. Рядомъ съ ними можно только еще поставить Индію съ 59 милл. ф. стерл. На всѣ остальныя приходится остатокъ въ неполныхъ 57 милл.

Насколько Канада является страной будущаго, страной наиболѣе быстраго хозяйственнаго расширенія среди всѣхъ британскихъ колоній, можно судить по слѣдующей таблицѣ:

Количество вывезенныхъ капиталовъ составляетъ въ трехлѣтія:

(въ милл. ф. стерл.).	1908—1910	1911—1913	(увеличеніе) (+). или уменьшеніе (—).
въ Канаду	91,5	132,3	+40,8
« Австралію	28,9	35,4	+ 7,5
« Южную Африку	20,9	14,5	— 6,4
« Индію	46,4	12,7	—33,7
« остальн. колоніи	38,0	18,8	—19,2

Британскій капиталъ, судя по этимъ даннымъ, питаетъ всю растущую симпатію къ Канадѣ, а послѣ нея—къ Австраліи.

Значеніе этихъ обѣихъ областей, а также Южной Африки для промышленности и капитала Англіи, несомнѣнно, весьма крупное и безпрерывно растущее. Но оно основано не на ихъ специфическихъ колоніальныхъ свойствахъ. Строго говоря, это даже не колоніи. Это—самостоятельныя государства съ современной демократіей, т.-е. національныя

государства, пользующіяся бо́льшими свободами, чѣмъ какое-либо европейское государство, за исключеніемъ Швейцаріи. Они въ дѣйствительности не представляютъ подчиненныхъ Англіи владѣній, а находятся съ ней въ союзныхъ отношеніяхъ, образуютъ вмѣстѣ съ ней союзъ государствъ съ быстро растущимъ населеніемъ и слѣдовательно также растущей силой, не только вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, но и вслѣдствіе эмиграціи, въ особенности въ Канаду. Въ 1909 г. иммигрировало въ Канаду 147.000, а въ 1912 г. уже 354.000 человѣкъ. Благодаря этому, не только значительная часть британской эмиграціи остается въ предѣлахъ имперіи, но въ ея владѣнія направляется также значительный потокъ небританскихъ эмигрантовъ.

Этотъ союзъ государствъ представляетъ собой государство, которому суждено сыграть крупную роль въ будущемъ. Если въ немъ видятъ признаки и цѣль имперіализма, то мы едва ли можемъ имѣть что-нибудь противъ такого имперіализма.

Но не имперіализмомъ были основаны и объединены государства, образующія британскій колоніальный союзъ государствъ. Англія владѣла ими задолго до имперіалистическаго періода, не предвидѣвъ даже ихъ значенія въ будущемъ. Австралія цѣнилась настолько мало, что она долгое время служила исключительно мѣстомъ ссылки преступниковъ. Только открытіе золотыхъ рудъ привлекло въ большомъ размѣрѣ добровольную эмиграцію въ Австралію, что подготовило почву, на которой окрѣпли впослѣдствіи ея сельское хозяйство и промышленность.

Впервые Канада была занята въ 17-столѣтія французами, насадившими тамъ феодальное землевладѣніе и абсолютизмъ бюрократіи и клерикаловъ. Это не могло служить особой приманкой для переселенцевъ. Англія завладѣла страной во время семилѣтней войны, но не ради ея хозяйственной цѣнности, а по той причинѣ, что она представляла собой для французовъ выгодную базу, откуда они могли постоянно угрожать значительно болѣе важнымъ англійскимъ колоніямъ къ югу отъ Канады. Но благодаря изгнанію французовъ, Англія лишилась именно этихъ старыхъ колоній. Онѣ были преданы Англіи, пока имъ угрожалъ французскій феодализмъ и абсалютизмъ. Когда эта опасность миновала, идея полной самостоятельности быстро пріобрѣла твердую почву подъ ногами и скоро была осуществлена при помощи тѣхъ же французовъ, которыхъ она недавно еще боялась. Въ 1763 г. Канада перешла въ руки англичанъ, а уже въ 1775 г. началась амери-

канская война за независимость. Она кончилась для Англіи потерей Сѣверо-Американскихъ владѣній къ югу отъ Канады и дала ей одновременно чувствительный урокъ, какъ слѣдуетъ относиться къ полнымъ жизненныхъ силъ и проникнутымъ духомъ современной демократіи колоніямъ. Этому уроку, а не идеямъ современнаго имперіализма, Англія обязана тѣмъ, что эти три большихъ области съ переселенческими колоніями дружно стоятъ за нее.

Но и послѣ освобожденія Соединенныхъ Штатовъ отъ англійскаго господства, канадскія провинціи еще долго играли второстепенную роль. Медленно, путемъ упорной внутренней борьбы, онѣ вытѣсняли унаслѣдованныя феодальныя отношенія и добивались постепенно демократическихъ правъ, пока онѣ, наконецъ, въ 1867 г. не объединились въ почти самостоятельное союзное государство. Ихъ экономическій подъемъ совершался все же весьма медленно до тѣхъ поръ, пока Соединенные Штаты имѣли достаточно свободной земли для веденія экстенсивнаго сельскаго хозяйства. Теперь тамъ вся земля, если далеко не вездѣ культивирована, то все-таки занята. Сельскіе хозяева должны платить все растущія цѣны за землю и вводить интенсивное хозяйство. Теперь переселенцы, желающіе заниматься сельскимъ хозяйствомъ, находятъ болѣе выгодныя условія для этого въ Канадѣ. Съ тѣхъ поръ тамъ все увеличивается число переселенцевъ, а вмѣстѣ съ этимъ растетъ также число общаго населенія. За 10 лѣтъ, отъ 1901—1911 гг. это число возрасло отъ 5 милл. съ лишнимъ до 7 милл. съ лишнимъ, между тѣмъ какъ въ теченіе 30 лѣтъ, отъ 1871—1901 г.г. оно увеличилось только на 1,8 милл.: отъ 3,6 милл. оно возрасло до 5,4 милл.

Еще меньше значенія, чѣмъ прежде Канада, имѣла долгое время Капская земля. Она служила только промежуточной станціей и мѣстомъ отдыха для отправлявшихся въ Индію судовъ. Ее заняли сначала для этой цѣли португальцы, потомъ голландцы, а въ 1795 г. она перешла въ руки англичанъ. Притокъ эмигрантовъ былъ очень незначительный—даже послѣ того, какъ были открыты въ 1867 г. алмазныя копи около Кимберлэя, а недолго спустя не менѣе богатыя золотыя руды въ граничащемъ съ ней Трансваалѣ. Эмиграція усилилась только въ незначительной степени, потому что эти богатства сразу стали эксплуатироваться при помощи наемныхъ рабочихъ. Въ качествѣ таковыхъ нанимали охотнѣе кафровъ и китайцевъ, чѣмъ европейцевъ, предъявляющихъ болѣе высокія требованія и менѣе способныхъ къ тяжелому труду въ такомъ жаркомъ климатѣ.

Увеличеніе бѣлаго населенія въ Южной Африкѣ объясняется преимущественно его плодовитостью, чрезвычайно высокой среди поселянъ Южной Африки, а также и Канады. Свое пропитаніе они добывали себѣ скотоводствомъ, такъ какъ имѣли въ своемъ распоряженіи широко раскинутыя пастбища. Въ помощь они брали себѣ кафровъ, которыхъ Южная Африка доставляла имъ вдоволь. Кафры еще до появленія европейцевъ въ Южной Африкѣ занимались скотоводствомъ и обнаруживали помимо большихъ физическихъ силъ также высокую степень интеллигентности.

Этотъ же способъ производства, приведшій къ высокой степени плодовитости населенія, далъ толчокъ къ распыленію его по всей странѣ и породилъ все усиливавшееся стремленіе къ расширенію среди сельскихъ хозяевъ—буровъ. Послѣдніе уже въ 30-хъ годахъ 19-столѣтія проникли въ сосѣднія съ капской колоніей области и основали тамъ новыя республики: Оранжевую и Трансвааль. Найденныя тамъ золотыя руды, эксплуатацію которыхъ взялъ въ свои руки англійскій финансовый капиталъ, пробудили въ послѣднемъ стремленіе присоединить Трансвааль къ британскимъ владѣніямъ, что привело въ концѣ-концовъ къ англо-бурской войнѣ 1899 г. Среди всѣхъ вышеперечисленныхъ англійскихъ колоніальныхъ владѣній бурскія республики являются единственными, завоеваніе которыхъ уже свершилось въ эру современнаго имперіализма и иниціаторами котораго были имперіалистски-настроенные круги. То обстоятельство, что буры приспособились къ англійскому государственному строю и не образуютъ въ немъ враждебнаго и чуждаго элемента, слѣдуетъ приписать не имперіалистической политикѣ насилія, а ея противоположности, которой научилъ англичанъ суровый урокъ, преподанный имъ отпаденіемъ Соединенныхъ Штатовъ. Это—необходимость предоставленія развивающимся колоніямъ широкой самостоятельности, не только во избѣжаніе ихъ полнаго отпаденія, а чтобы этимъ еще тѣснѣе закрѣпить связывающія ихъ узы.

Къ союзу объединенныхъ провинцій Канады и австралійскому союзу государствъ прибавился еще въ 1910 г. южно-африканскій союзъ свободныхъ демократическихъ общинъ, въ составъ котораго вошли Трансвааль, Оранжевая республика, Наталь и Капская колонія. Соціальный характеръ этого союза, правда, отличается отъ характера другихъ двухъ союзныхъ государствъ. Въ Канадѣ и Австраліи туземное населеніе составляетъ ничтожное меньшинство безъ всякаго значенія. Въ 1910 г. въ Канадѣ насчитывалось

среди 7.200.000 населенія всего 110.000 индѣйцевъ, въ Новой Зеландіи въ 1911 г. на 1 милл. человѣкъ бѣлой рассы было 40.000 маори. Число ихъ на австралійскомъ материкѣ въ точности неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, ихъ тамъ весьма мало.

Въ Южной Африкѣ, наоборотъ, бѣлое населеніе вездѣ въ меньшинствѣ; число бѣлыхъ въ 1911 г. достигало всего 1.276.000 противъ 4.697.000 цвѣтныхъ, среди которыхъ было 4.020.000 туземцевъ.

Въ то время, какъ въ Канадѣ и Австраліи число туземцевъ все уменьшается, оно въ Южной Африкѣ растетъ быстрѣе, чѣмъ число бѣлаго населенія. Въ 1904 г. оно составляло 21,6, а въ 1911 г. уже только 21,4% всего населенія. При этомъ цвѣтные, кафры, готтентоты и метисы, отнюдь не остаются, какъ австралійскіе туземцы, на первыхъ ступеняхъ человѣческаго развитія. Полные силъ, интеллигентные, они настойчиво требуютъ равноправія въ государствѣ. Въ этомъ заключается важнѣйшая проблема для Южной Африки. Съ имперіализмомъ она ничего общаго не имѣетъ. Главнѣйшими противниками предоставленія правъ туземцамъ являются именно ставшіе жертвой имперіализма буры.

Однако, какъ ни важна эта проблема для будущаго Южной Африки, въ данной концепціи она не можетъ насъ интересовать.

Насъ интересуетъ слѣдующее: соединенное королевство, которое само становится союзнымъ государствомъ, послѣ того какъ оно положило этому начало предоставленіемъ Ирландіи гомруля, образуетъ вмѣстѣ съ тремя другими союзными государствами союзъ государствъ, который для расширенія британскаго капитала въ собственныхъ своихъ границахъ представляетъ еще широкія возможности. Имперіалистическія потребности, несомнѣнно, при образованіи его играли роль, но всѣ территоріальныя пріобрѣтенія были сдѣланы, за исключеніемъ бурскихъ республикъ, за сто лѣтъ до начала эры имперіализма, и тѣсная связь этого союза не только не была навязана англійскимъ владѣніямъ имперіалистическимъ методомъ насилія, но она стала потребностью для самихъ участниковъ союза, благодаря противуположнымъ методамъ—благодаря притягательной силѣ демократіи и—о чемъ мы не преминемъ тутъ же сказать—свободной торговли метрополіи. Такой союзъ государствъ является безусловно носителемъ богатаго будущаго, онъ можетъ также многому научить въ нашу эру имперіализма. Но создать по этому образцу такой же союзъ изъ коло-

ніальныхъ областей—невозможно по той причинѣ, что помимо тропическихъ странъ нѣтъ свободной земли, которая могла бы перейти во владѣніе европейской державы и климатъ которой дозволялъ бы европейцу исполненіе физическаго труда безъ ущерба для здоровья.

Итакъ, этотъ столпъ опоры британской колоніальной имперіи не можетъ быть использованъ другими колоніальными державами для подражанія. Англія можетъ когда-нибудь лишиться этого столпа, но никогда онъ не будетъ служить опорой другой колоніальной державѣ. Канада можетъ въ одинъ прекрасный день рѣшить, что ей выгоднѣе войти въ составъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, чѣмъ оставаться въ британскомъ союзѣ государствъ. Южная Африка можетъ когда-либо въ будущемъ стать исходнымъ пунктомъ для самостоятельнаго африканскаго государства, но въ колонію другой державы эти области никогда болѣе не превратятся.

б) Остъ-Индія.

Другимъ столпомъ британской колоніальной державы, равнаго которому нѣтъ, является британская Индія.

Начать съ того, что количество ея населенія чрезвычайно высоко. Съ ея 320 милліонами она превосходитъ всю Европу безъ Россіи (310 милл.). При этомъ природа наградила ее драгоцѣнными сокровищами, а населеніе ея достигло въ искусствѣ и философіи высшей ступени, какая можетъ быть достигнута докапиталистическими средствами и методами. На первый взглядъ можетъ казаться странной связь между философіей и капитализмомъ, но однимъ изъ существенныхъ свойствъ капиталистическаго вѣка и, пожалуй, даже важнѣйшимъ созданіемъ его являются методы и успѣхи въ естественныхъ наукахъ. Когда европейцы въ 15-мъ вѣкѣ пришли въ Индію, индусы во многомъ превосходили ихъ. Это, конечно, не относится ко всему населенію въ цѣломъ. Индія не только по числу народонаселенія, но и по размѣрамъ значительно превосходитъ Европу, не считая Россіи, но при этомъ, обладая значительно болѣе примитивными средствами сообщенія, охватываетъ еще значительно болѣе разнородныя ступени развитія, чѣмъ наша часть свѣта. Тамъ еще можно найти людей, стоящихъ на низшей изъ извѣстныхъ намъ ступеней развитія (Ведды на Цейлонѣ) и далѣе тамъ представлены всѣ дальнѣйшія ступени развитія вплоть до капиталистической.

Снабженная въ изобиліи всѣми сырыми матеріалами, въ которыхъ нуждалось ея производство, имѣя къ своимъ услугамъ искусныхъ и трудолюбивыхъ рабочихъ, эта колоссальная по размѣрамъ страна сама все производила для удовлетворенія собственныхъ потребностей, и еще оставался большой излишекъ продуктовъ, которые охотно покупались культурными народами, между тѣмъ какъ индусы сами не нуждались въ ихъ издѣліяхъ. Результатомъ было то, что ихъ вывозъ долгое время оплачивался почти только благородными металлами. Уже съ незапамятныхъ временъ не прерывался притокъ благородныхъ металловъ въ Индію, скоплявшихся тамъ въ горы сокровищъ. Съ другой стороны, Индія уже испоконъ вѣковъ служила приманкой для воинственныхъ, но бѣдныхъ сосѣдей. Постоянный притокъ народовъ привелъ къ невѣроятному изобилію племенъ, языковъ, кастъ и религій. Если пришельцы достаточно сильны, они являются въ качествѣ завоевателей и грабителей. Но страна слишкомъ привлекательна, чтобы покинуть ее. Они остаются, а вмѣстѣ съ ними и награбленныя сокровища. Положеніе трудящихся классовъ остается почти безъ перемѣнъ, происходитъ только смѣна хозяевъ. Они не раздвигаютъ рамокъ примитивной демократіи. Сельскія общины являются клѣтками, на которыя опирается государственность. Полной демократіи въ общинѣ соотвѣтствуетъ полный деспотизмъ въ государствѣ, опирающійся исключительно на силу. Такъ же легко, какъ она была завоевана одними, она можетъ быть завоевана и другими при полномъ равнодушіи къ этому народныхъ массъ.

Эти обстоятельства измѣнились только тогда, когда европейцы пришли въ Индію моремъ, сначала ради торговли, а потомъ, когда они убѣдились въ своемъ военномъ превосходствѣ, они стали устраивать набѣги ради грабежей и завоеваній. Первыми явились въ 16-мъ столѣтіи португальцы, въ 17-мъ нидерландцы, а за ними французы и англичане. Изъ долголѣтнихъ войнъ, кончая наполеоновскими—Наполеонъ самъ угрожалъ своей египетской экспедиціей англійскому господству въ Остъ-Индіи,—англичане вышли побѣдителями надъ своими европейскими соперниками и туземными государствами.

Европейцы не являлись въ Индію, какъ прежніе завоеватели, съ цѣлью обосноваться тамъ. Этому мѣшало уже одно то, что климатъ тамъ для нихъ убійственный. Каждый являлся туда только ради добычи, съ которой онъ потомъ возвращался въ Европу. Новые завоеватели зна-

чительно болѣе угнетали рабочія массы, чѣмъ прежніе деспоты. Страна приходила все больше въ упадокъ, и только за послѣднія десятилѣтія англійское правительство стало заботиться о противодѣйствіи этому упадку отчасти подъ давленіемъ все растущей оппозиціи въ самой Индіи, отчасти изъ опасенія, какъ бы курица, несущая золотыя яйца, не погибла преждевременно.

А эти золотыя яйца стоятъ вполнѣ такихъ заботъ. Это—ровнымъ счетомъ полмилліарда марокъ, которыя Англія ежегодно выжимаетъ изъ Индіи, безъ всякаго эквивалента со своей стороны. Избытокъ вывоза надъ ввозомъ въ Индію колоссальный.

Въ среднемъ онъ равнялся около 370 милл. руб. въ годъ. Часть этой суммы составляютъ фрахтовыя деньги, уплачиваемыя пароходнымъ обществамъ, транспортирующимъ товары изъ Индіи, другую часть — проценты и прибыль иностранныхъ капиталовъ, работающихъ въ Остъ-Индіи: это все—налоги, взимаемые по экономическимъ условіямъ, а не въ результатѣ политической зависимости. Но львиную долю образуетъ дань, которую платитъ Индія господствующей странѣ въ разнообразнѣйшихъ формахъ. Уже двадцать лѣтъ тому назадъ изъ 800 милл. рублей, составлявшихъ государственные доходы, 200 милл. рублей ежегодно направлялись въ Англію.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что часть ввоза въ Индію составляютъ не товары, обмѣниваемые на другіе товары, а товаръ, который вкладывается тамъ въ видѣ иностраннаго капитала съ цѣлью производить прибавочную цѣнность въ свою пользу. За послѣднія шесть лѣтъ ввозъ капитала составлялъ въ среднемъ около 100 милл. рубл. въ годъ. Если вычесть эту сумму изъ общей суммы ввоза, то излишекъ вывоза проданныхъ заграницей товаровъ въ обмѣнъ на купленные тамъ подымается съ 370 милл. до полъ-милліарда. Часть этой суммы, а именно непрерывно растущая часть, получается благодаря экономическому господству, т. е. благодаря ввозу капитала, но другую колоссальную часть Англія получаетъ благодаря своему политическому господству надъ Индіей. Этимъ господствомъ Англія обязана въ первую очередь своему морскому владычеству. Обладаніе Индіей само по себѣ, безъ развитія ея торговли или ея промышленности, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ флота. Его превосходство является для господствующихъ классовъ Англіи вопросомъ первостепенной важности, ибо внезапная потеря Индіи и вы-

колачиваемыхъ изъ нея ежегодно средствъ означала бы для нихъ банкротство.

Поскольку за такой потерей послѣдовалъ бы кризисъ, ударъ обрушился бы также на рабочіе классы Англіи. Въ эксплуатаціи самой Индіи англійскій рабочій классъ не заинтересованъ. Нѣкоторые слои рабочихъ, какъ, напр., вырабатывающіе предметы роскоши, вездѣ заинтересованы въ эксплуатаціи. Число ихъ въ Англіи, несомнѣнно, растетъ благодаря широкимъ размѣрамъ эксплуатаціи въ Индіи. Торговля и промышленный вывозъ англійскихъ товаровъ въ Индію не упали бы, а, можетъ быть, даже и возросли бы, если бы индусскій крестьянинъ вмѣсто того, чтобы погибать въ нищетѣ, могъ употребить суммы, уплачиваемыя имъ ежегодно въ видѣ государственныхъ налоговъ, для улучшенія своего хозяйства, для покупки англійскихъ плуговъ и другихъ орудій.

Англійскіе рабочіе заинтересованы въ данный моментъ въ превосходствѣ англійскаго флота совсѣмъ по другой причинѣ. Они при этомъ не руководствуются стремленіемъ отстоять силой оружія пригодныя для эксплуатаціи области, а страхомъ подвергнуться измору въ случаѣ военнаго конфликта. Англія производитъ въ настоящее время только незначительную часть своихъ средствъ пропитанія. Одной пшеницы и пшеничной муки она ввозитъ ежегодно 100 милл. центнеровъ, что составляетъ 84% всей потребляемой въ странѣ пшеницы. Перерывъ въ морской торговлѣ означаетъ для Англіи немедленный голодъ. Этой опасности она могла бы избѣгнутъ только тогда, если бы она превратила свое сельское хозяйство изъ частной, руководствующейся только стремленіемъ къ прибыли промышленной отрасли, въ общественное производство. Основанное на соціалистическихъ началахъ сельское хозяйство могло бы, по отмѣнѣ частной собственности, настолько поднять производительность сельскаго хозяйства, что и въ случаѣ войны не пришлось бы опасаться голода. Но пока этого нѣтъ, англійскіе рабочіе заинтересованы въ томъ, чтобы морская торговля не пострадала, несмотря на то, что процвѣтаніе англійской промышленности въ весьма слабой степени зависитъ отъ морского владычества Англіи и что рабочіе весьма мало воодушевлены завоевательными цѣлями имперіализма.

Господствующіе же классы заинтересованы въ сильномъ флотѣ по инымъ соображеніямъ. Сохраненіе господства надъ Индіей является при этомъ однимъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ. Начиная съ 18-го столѣтія, этотъ

мотивъ является господствующимъ во внѣшней политикѣ Англіи. Дальнѣйшее расширеніе Англіей ея колоніальныхъ владѣній въ Африкѣ и Азіи было предпринято съ цѣлью обезпечить себѣ путь въ Индію. Этой цѣлью, какъ мы видѣли, руководствовалась Англія при занятіи Южной Африки и Египта, а также при открытіи Суецкаго канала. Каждаго, кто угрожалъ Индіи, Англія считала своимъ заклятымъ врагомъ. Въ 18 стол. таковымъ была Франція. Экспедиція Наполеона въ Египетъ, нацѣливающаяся также на Индію, сдѣлала Наполеона самымъ ненавистнымъ человѣкомъ въ Англіи.

Послѣ того, какъ Англія окончательно обезпечила за собой морское владычество, только еще одна держава была въ состояніи угрожать Индіи, такъ какъ она имѣла возможность подойти къ ней сухимъ путемъ: это была Россія, стремившаяся одновременно и къ Константинополю. По этой причинѣ Англія провозгласила Россію своимъ «непримиримымъ врагомъ», а своего недавняго врага, Францію,—своей союзницей противъ Россіи, бывшей ея союзницей противъ Франціи въ войнѣ противъ Наполеона. Ничто такъ быстро не мѣняется, какъ враждебныя и дружественныя отношенія въ иностранной политикѣ, и нѣтъ ничего болѣе близорукаго и неосновательнаго, какъ попытки объяснить подобную вражду такими факторами, какъ расовыя или національныя особенности и антипатіи.

Вражда противъ Россіи была, однако, не во всѣхъ классахъ Англіи одинаково сильна. Промышленные классы совсѣмъ почти не были заинтересованы въ обладаніи Индіей, хотя и они были противъ того, чтобы оно закончилось внезапной катастрофой, которая привела бы къ потрясенію общественной жизни, но они ничего не имѣли противъ постепеннаго ослабленія связи съ колоніями. Въ своей политикѣ по отношенію къ Индіи и Турціи англійскіе фритредеры прошлаго столѣтія проявляли себя меньшими руссофобами, чѣмъ тори. Но по мѣрѣ того, какъ интересы крупной промышленности, финансоваго капитала и крупнаго землевладѣнія становились все болѣе общими, мирное направленіе фритредерства оттѣснялось на задній планъ и стремленіе удержать за собою Индію становилось всеобщимъ среди господствующихъ классовъ.

Но одновременно обладателямъ Индіи стала угрожать новая опасность, значительно болѣе серьезная, со стороны возникшей національной оппозиціи среди индусовъ. Пока Индія продолжала оставаться въ стадіи примитивной демократіи, Англія не имѣла основаній опасаться возстаній.

Отдѣльные недовольные слои или области иногда и возставали противъ гнета, но централизованная государственная власть всегда подавляла подобные мѣстные бунты, какими бы грозными они не казались вначалѣ. Но капитализмъ ввелъ въ Индіи не только свои способы эксплуатаціи, но и новыя средства сообщенія: почту, желѣзныя дороги, прессу и т. д. Этимъ онъ создалъ постоянныя сношенія между отдѣльными областями и пробудилъ къ жизни національное сознаніе и національную демократію. Возникаютъ направленія, организаціи, партіи, вербующія себѣ послѣдователей по всей странѣ, интересующіяся дѣлами всей имперіи, стремящіяся оказывать на нихъ вліяніе и противуполагающія правительству національную, т.-е. охватывающую всю націю въ цѣломъ, оппозицію.

Понятно, что этимъ не устраняются классовыя противорѣчія внутри населенія, хотя бы оппозиціонные элементы и полагали, что они въ одинаковой степени представляютъ интересы всей націи. Во-первыхъ, еще далеко не во всѣхъ классахъ проснулась національная жизнь. Крестьянская масса, а также и городской пролетаріатъ еще слишкомъ невѣжественны, чтобы у нихъ было достаточно пониманія другихъ интересовъ, кромѣ ближайшихъ, мѣстныхъ. Оппозиціонное движеніе стоитъ приблизительно на той же ступени, на какой оно находилось въ Россіи лѣтъ сорокъ тому назадъ. Носителями его являлись до сихъ поръ преимущественно имущіе классы и городская интеллигенція. Ея главный органъ—индусскій національный конгрессъ, созывающійся ежегодно, начиная съ 1885 г. Это—нѣчто въ родѣ индусскаго парламента—но до сихъ поръ, правда, онъ никакой иной силой, кромѣ моральной, не обладалъ. Его поддерживаютъ ежегодные провинціальные конгрессы, быстро растущая пресса и свободныя школы.

«Національный конгрессъ состоитъ изъ 500—1000 политическихъ вождей изо всѣхъ частей страны, среди нихъ—дворяне, помѣщики, государственные и коммунальные чиновники, мировые судьи, академики, инженеры, банкиры, купцы, лавочники, учителя и др. ...Индусы, парсы, христіане, мусульмане одни за другими предсѣдательствовали на конгрессахъ. Совѣщанія отличаются умѣренностью и проницательностью». (Сэръ Анри Коттонъ, New India or India in transition. Лондонъ, 1907, стр. 8, 9).

Эта умѣренность индусскихъ націоналъ-либераловъ далеко не по вкусу національной оппозиціи въ цѣломъ. Правительство примѣняло по отношенію къ ней все болѣе суровыя мѣры, но результатъ былъ такой же, какъ въ Рос-

сіи лѣтъ 40 тому назадъ: часть оппозиціи была доведена до озлобленія и стала противопоставлять гнету и насильственнымъ мѣрамъ правительства насильственныя дѣйствія со своей стороны. Бунтовщическій терроръ сталъ распространяться въ странѣ, но онъ такъ же, какъ въ свое время терроръ въ Россіи, своими отчаянными дѣйствіями выдавалъ свою слабую позицію въ народѣ. Единичный терроръ является формой борьбы небольшихъ, совершенно изолированныхъ, ежеминутно подвергающихся опасности быть уничтоженными круговъ. Это—не форма борьбы партіи, опирающейся на массы, расчитывающей на ея поддержку, дѣйствующей черезъ нее.

Вотъ наступила война. Каждая изъ воюющихъ сторонъ разсчитываетъ на возстаніе у своихъ враговъ. Но оно нигдѣ, не исключая и Индіи, не состоялось. Война внезапно превратила даже индусскихъ отъявленныхъ мятежниковъ въ лойяльныхъ патріотовъ. Цѣлый рядъ рѣшительныхъ органовъ національной оппозиціи объявилъ, что они на время отказываются отъ оппозиціи правительству. Индусскій національный конгрессъ единодушно выразилъ свою лойяльность. Какъ это могло случиться?

Индусскіе націоналисты, несомнѣнно, стремятся къ тому, чтобы освободиться отъ англійскаго гнета, но не путемъ замѣны его другимъ. Они ясно сознаютъ, что они представляютъ собой еще слишкомъ слабую силу, чтобы быть въ состояніи удержать страну въ своихъ рукахъ послѣ того, какъ наступитъ конецъ англійскому господству. Вѣдь, дѣло идетъ о странѣ, колоссальной по размѣрамъ и числу народонаселенія, при чемъ широкая масса еще не вышла изъ стадіи примитивной демократіи. Индія распалась бы на цѣлый рядъ деспотическихъ государствъ и ни одно изъ нихъ не имѣло бы опредѣленныхъ національныхъ границъ. Они относились бы другъ къ другу съ недовѣріемъ, дали бы себя легко вовлечь въ войны, которыя, какъ это происходило въ 17 и 18 вѣкахъ, велись бы при помощи европейскихъ державъ, а послѣднія въ концѣ-концовъ снова захватили бы ихъ въ свои руки. Вѣчныя войны, раздробленіе государства, господство нѣсколькихъ европейскихъ державъ вмѣсто одной—вотъ чего они опасаются, если уже теперь будетъ положенъ конецъ англійскому господству.

Въ настоящее время это господство обезпечиваетъ Индіи постоянный миръ, только весьма незначительно обременяя ее—если мѣрить на европейскій масштабъ—военными повинностями. Англія содержитъ въ мирное время

постоянную армію всего въ 236.000 солдатъ (въ 1912 году— 76.000 англичанъ и 160.000 туземцевъ). Правда, индусы платятъ дорогой цѣной за миръ и сравнительно маленькую армію, но одинъ взглядъ на Европу показываетъ имъ, что національная самостоятельность по европейскому образцу обходится еще во много разъ дороже.

Въ предѣлахъ самой Индіи не существуетъ на каждомъ шагу, какъ въ Европѣ, таможенныхъ границъ. Англійскій языкъ и преподаваніе на англійскомъ языкѣ стали связующимъ національнымъ звеномъ. Интеллигенція различнѣйшихъ религій, племенъ и языковъ изучаетъ поголовно англійскій языкъ, и онъ является на ея конгрессахъ общимъ для нея языкомъ. Это—то же явленіе, что происходило на славянскомъ конгрессѣ въ Прагѣ въ 1848 г., когда славяне вынуждены были говорить на нѣмецкомъ языкѣ, чтобы понимать другъ друга.

Стремленія индусскихъ націоналистовъ направлены сейчасъ не къ разрыву съ Англіей, а къ завоеванію себѣ, въ предѣлахъ британскаго союза государствъ, болѣе широкихъ свободъ, парламентскаго представительства, какъ для провинцій, такъ и для всего государства въ цѣломъ, чтобы парламентъ Индіи имѣлъ право издавать законы и опредѣлять размѣры и примѣненіе налоговъ. Ихъ конечная цѣль—конституція на подобіе австралійской, и они полагаютъ, что ихъ дальнѣйшее пребываніе въ британскомъ союзѣ, послѣ того, какъ они достигнутъ этой цѣли, дастъ имъ однѣ только выгоды. Ихъ цѣль—это индусское союзное государство—Соединенные Штаты Индіи, которые вмѣстѣ съ Соединенными Штатами Канады, Австраліи и Африки будутъ группироваться вокругъ Соединеннаго королевства и образуютъ союзъ, подобнаго которому нѣтъ въ мірѣ.

Это, въ дѣйствительности, великая цѣль, которая можетъ имѣть громадное значеніе для всемірнаго экономическаго и политическаго развитія. Но осуществится ли она— это трудно предрѣшить. Самая большая опасность грозитъ ей, однако, не со стороны другихъ державъ, а со стороны британскихъ имперіалистовъ и ихъ политики насилія. Они добровольно не откажутся отъ того грабежа, который они систематически, изъ года въ годъ, производятъ въ Индіи. По отношенію къ все разроставшейся національной оппозиціи они примѣняли все болѣе суровыя мѣры подавленія. Но этотъ именно путь можетъ довести оппозицію до такого отчаянія, что она будетъ привѣтствовать всякую возможность освободиться отъ англійскаго ига,

будетъ радоваться каждому пораженію Англіи. Нужно имѣть въ виду, что какъ ни малъ покуда еще слой національной оппозиціи, но онъ весьма быстро растетъ. Побѣда Японіи надъ Россіей сильно подняла ея чувство самосознанія и пробудила интересъ къ національнымъ проблемамъ въ широкихъ народныхъ массахъ. Широкое примѣненіе въ настоящей войнѣ индусскихъ войскъ въ Европѣ окажетъ также сильное вліяніе въ этомъ направленіи. Послѣ войны оппозиція выступитъ съ большей требовательностью и настойчивостью, если ей удастся во время войны не позволить пропагандѣ въ пользу поддержки англійскаго господства взять верхъ надъ ея собственными цѣлями, что привело бы ее, несомнѣнно, къ потерѣ довѣрія, а вмѣстѣ съ этимъ и вліянія въ массахъ.

Останется ли Индія еще надолго въ рукахъ Англіи, зависитъ въ не малой мѣрѣ отъ силы и вліянія, какимъ будутъ обладать послѣ войны имперіалистическіе методы насилія въ Британской имперіи. Рабочій классъ относится къ этимъ методамъ безусловно враждебно. Но и интеллигенціи и имущимъ классамъ Англіи еще памятны уроки, вынесенные ими отъ революціи въ 17 столѣтіи и отъ отпаденія отъ нихъ Америки въ 18 стол. Эти уроки имѣли то дѣйствіе, что ни одинъ классъ въ мірѣ въ 19 вѣкѣ не умѣлъ такъ искусно, какъ господствующіе классы Англіи, путемъ своевременныхъ уступокъ подорвать всякое революціонное движеніе, а не путемъ усиленія гнета доводить его до крайности. Это не значитъ, что имъ чужды методы насилія, что они никогда не примѣняютъ ихъ. Они не останавливаются передъ ними, когда они надѣются заглушить въ корнѣ непріятную имъ оппозицію. Но послѣ американской войны за независимость они научились безошибочно распознавать, когда движеніе становится непреодолимымъ. Тогда они спѣшили при помощи уступокъ подкупить или развратить его, или склонить къ отказу отъ насильственныхъ методовъ.

Итакъ, не исключена возможность, что Соединенные Штаты Индіи, какъ часть британской міровой имперіи, станутъ когда-нибудь дѣйствительностью. Если это случится, то не благодаря имперіализму, а благодаря преодолѣнію его дружными усиліями демократій Англіи и Индіи.

Желаніе овладѣть или создать такую міровую имперію близко сердцу имперіалистовъ всѣхъ странъ. У насъ нѣтъ полной увѣренности, суждено ли Англіи навсегда сохранить за собой эту міровую имперію, но нѣтъ сомнѣній,

что никакая другая нація не можетъ создать себѣ и подобной имперіи. Есть только одна Индія. Англія можетъ лишиться ея. Но Индія никогда, какъ цѣлое государство, не можетъ перейти во владѣніе другой иноземной державы.

в) Африка.

Когда около четверти вѣка тому назадъ наступила эра имперіализма въ видѣ колоніальныхъ завоеваній, вывоза капитала и системы объединенія аграрныхъ и промышленныхъ пошлинъ, то иниціатива во всякомъ случаѣ не исходила отъ Англіи, хотя она и была наиболѣе развитымъ капиталистическимъ государствомъ. Она, правда, вынуждена была все болѣе увеличивать свой вывозъ товара и завоевывать себѣ путемъ вывоза капитала все новыя аграрныя страны, но сильные интересы рабочихъ и судовладѣльцевъ—тѣ и другіе въ Англіи сильнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ—удерживали ее отъ введенія охранительныхъ пошлинъ и принуждали промышленный капиталъ согласовать свое дальнѣйшее расширеніе съ методами фритредерства, хотя онъ, благодаря своей все растущей связи съ финансовымъ капиталомъ, склонялся постепенно на сторону имперіалистическихъ методовъ. Впрочемъ, обѣ крупныя области, которыми Англія уже раньше обладала, Индія и упомянутыя выше колоніи, давали ей широкую сферу для вывоза капитала и у нея не было необходимости стремиться во чтобы то ни стало къ новымъ завоеваніямъ.

Толчокъ къ новой колоніальной политикѣ исходилъ не отъ Англіи, а отъ Франціи. Но и этотъ толчокъ первоначально не носилъ строго имперіалистическаго характера или носилъ его въ очень незначительной степени. Мы уже раньше видѣли, что, на ряду съ имперіализмомъ, стремленіе къ расширенію вызывается еще и другими мотивами. Самымъ примитивнымъ изъ нихъ является стремленіе къ простому увеличенію области, которая вслѣдствіе насильственно выколачиваемой изъ нея дани непосредственно снабжаетъ господствующіе классы предметами роскоши и увеличиваетъ ихъ средства власти, при чемъ потребности какого-либо способа производства тутъ не играютъ роли. Мы видѣли далѣе, что это стремленіе къ распространенію эксплуатаціи на области съ господствующей примитивной демократіей является простымъ вопросомъ силы.

Этотъ видъ экспансивнаго стремленія самый старый изъ всѣхъ. Онъ является дѣйствующимъ факторомъ во всей

исторіи человѣчества до нашихъ дней, онъ играетъ роль при современныхъ стремленіяхъ къ расширенію, главнымъ образомъ, въ формѣ стремленія къ увеличенію числа выгодныхъ должностей на государственной службѣ. Это стремленіе исходитъ отъ носителей господствующаго аппарата въ современномъ централизованномъ государствѣ—бюрократіи и военныхъ, а также и классовъ, изъ которыхъ послѣдніе рекрутируются—интеллигенціи, мѣщанъ и аграріевъ. Мы уже познакомились съ этимъ, какъ съ движущей осью русской экспансивной политики. Эти же мотивы лежали въ основѣ экспансивныхъ стремленій французскаго бонапартизма въ началѣ прошлаго столѣтія, опиравшагося, главнымъ образомъ, на армію и бюрократію, власть которыхъ уже не нарушалась больше, какъ при господствѣ феодальнаго абсолютизма, феодальнымъ дворянствомъ и церковью. Заручиться симпатіями арміи и бюрократіи было одной изъ главныхъ заботъ Наполеона: онъ долженъ былъ доставить имъ новые источники обогащенія, новыя должности, новую добычу, новыя поставки, что шло также въ пользу финансоваго капитала. Это толкало Наполеона на все новыя завоеванія. Послѣ распада имперіи между 1812 и 1815 годами возможность новыхъ завоеваній въ Европѣ была исключена надолго. Положеніе монархіи, построенной на развалинахъ имперіи, было, однако, весьма шаткимъ въ виду революціонныхъ традицій, оказывавшихъ дѣйствіе въ народѣ и еще усиливавшихся, благодаря росту свойственныхъ капитализму классовыхъ противорѣчій. Тѣмъ большее значеніе пріобрѣтали для монархіи армія и бюрократія. Но откуда взять для нихъ новую добычу, которая бы удовлетворила ихъ?

Такъ какъ Европа не представляла больше возможности для расширенія, то нужно было попытать счастья за предѣлами ея. Когда оппозиція противъ бурбонскаго королевства стала возрастать, оно въ 1827 году открыло походъ противъ Алжира, окончившійся капитуляціей города Алжира въ 1830 году. Несмотря на это, іюльская революція и сверженіе Бурбоновъ все-таки состоялись. Однако, Алжиръ остался французскимъ владѣніемъ—не на благо французскаго народа, которому защита Алжира стоила многихъ милліардовъ, но зато къ вящшей выгодѣ многихъ любителей теплыхъ мѣстечекъ и ихъ вліятельныхъ друзей, требовавшихъ себѣ привиллегій отъ всякаго новаго французскаго правительства.

Наполеонъ III пытался освѣжить традиціи перваго Наполеона и путемъ европейскихъ войнъ обезпечить арміи

и бюрократіи новыя привиллегіи и выгодныя должности. Но это окончилось весьма печально для него.

Его мѣсто заняла республика, создавшаяся не въ результатѣ возстанія противъ имперіи въ самой странѣ, а въ результатѣ внѣшняго разгрома. Республика не привела, поэтому, къ осуществленію программы буржуазной демократіи: къ замѣнѣ постояннаго войска милиціей, а централизованной бюрократіи—самоуправленіемъ коммунъ и департаментовъ. Республика унаслѣдовала отъ монархіи какъ централизованную демократію, такъ и постоянную армію. Первые шаги ея управленія ознаменовались разгромомъ парижской коммуны, стремившейся къ осуществленію программы радикализма, и укрѣпленіемъ власти арміи и бюрократіи.

Этимъ республика была поставлена передъ такой же задачей, какъ прежде монархія: необходимость территоріальныхъ расширеній для созданія новыхъ должностей. Такъ какъ Европа не давала больше этой возможности, то французская республика устремилась въ страны съ примитивной демократіей.

Съ начала 80-ыхъ годовъ Франція стала вести энергичную колоніальную политику. Въ 1881 году она заняла Тунисъ, въ слѣдующемъ году она снарядила экспедицію въ Мадагаскаръ и одновременно предприняла войну за обладаніе Тонкиномъ. Съ тѣхъ поръ она овладѣла громадными территоріями, особенно въ Африкѣ. Въ 1871 году французскія владѣнія въ Африкѣ достигали 900.000 кв. кил. Въ настоящее время они занимаютъ территорію въ 6,25 милл. кв. клм. (вмѣстѣ съ Мадагаскаромъ, не считая 4 милл. кв. клм. ея «сферы вліянія» въ Сахарѣ). Все населеніе французскихъ владѣній въ Африкѣ равнялось въ 1871 г. 3 милл., сейчасъ оно составляетъ 33 милл. душъ.

Вслѣдъ за Франціей, Германія стала въ срединѣ 80-тыхъ годовъ обнаруживать стремленіе къ пріобрѣтенію колоній. Имперское правительство въ началѣ весьма неохотно уступало ему. Пріобрѣтенныя частными обществами земли въ Южной Африкѣ и въ Южномъ морѣ Германія, правда, взяла въ 1884 и 1885 гг. подъ свою защиту, но весьма нерѣшительно.

Поэтому Англія еще въ началѣ 90-ыхъ годовъ не смотрѣла на Германію, какъ на соперницу, и охотно уступила ей въ 1890 г. Гельголандъ въ обмѣнъ на Занзибаръ. Въ защиту этого обмѣна имперскій канцлеръ Каприви еще сказалъ, что ничего худшаго съ нимъ случиться не можетъ, чѣмъ если бы ему подарили всю Африку.

Начиная съ 1894 г., положеніе рѣзко измѣнилось. Съ этихъ поръ интересъ къ колоніямъ чрезвычайно возросъ не только у правительства, но и среди имущихъ классовъ и интеллигенціи, но не въ такой же степени увеличились колоніальныя владѣнія. Въ 1890 г. нѣмецкія колоніи охватывали 2.235.000 кв. клм., изъ нихъ почти милліонъ (точно: 1.980.000) въ Африкѣ. Въ настоящее время онѣ возрасли почти до 3 милл. (2.952.000), изъ нихъ 2.700.000 въ Африкѣ. Правда, это—колоссальная область по сравненію съ метрополіей, занимающей территорію въ полмилліона кв. клм. Число покореннаго населенія возрастало быстрѣе, къ 1890 г. оно равнялось 2 милл., изъ нихъ 1,6 милл. въ Африкѣ. Сейчасъ нѣмецкія колоніи, включая новѣйшія, насчитываютъ ровнымъ счетомъ 13 милл., а безъ нихъ число населенія въ колоніяхъ равнялось 12.260.000, изъ нихъ 11.400.000 въ Африкѣ.

Колоніальная агитація все болѣе усиливалась, а вмѣстѣ съ нею усиливался интересъ къ обладанію большимъ военнымъ флотомъ, быстрое увеличеніе котораго началось съ 1898 г.

Одновременно съ переходомъ къ колоніальной политикѣ, Франція и Германія начинаютъ вводить у себя охранительныя пошлины. Англія остается вѣрной фритрэдерству, но также, по примѣру Франціи и Германіи, старается урвать большой кусокъ добычи въ свою пользу, особенно при раздѣлѣ Африки. Занятіе Египта, предпринятое ею, главнымъ образомъ, для обезпеченія себѣ пути въ Индію черезъ Суэцкій каналъ, а также въ ея южно-африканскія владѣнія, давало ея денежному капиталу весьма важные опорные пункты, и развитіе Англіи чрезвычайно быстро подвинулось впередъ. Безъ Египта, который формально не былъ англійскимъ, англійскія владѣнія въ Африкѣ занимали въ 1890 г. территорію въ 2 милл. кв. клм., а въ настоящее время почти 6 милл. кв. клм. (5.775.000). Число подчиненнаго населенія поднялось съ 4,5 до 33 милл.

За предѣлами Африки Англія пріобрѣла очень мало новыхъ колоній.

По размѣрамъ колоніальныя владѣнія въ Африкѣ трехъ крупныхъ западныхъ державъ представляютъ собой громадную территорію. Но населеніе ихъ еще очень отстало, его методы производства весьма примитивны, производительность его труда стоитъ на очень низкомъ уровнѣ—даже при самой безчеловѣчной эксплуатаціи его трудъ даетъ только незначительную прибавочную стоимость.

Экономическіе результаты отнюдь не соотвѣтствуютъ

количеству силъ и средствъ, затраченныхъ пока тремя крупными имперіалистическими державами на расширеніе и сохраненіе африканскихъ владѣній.

Изъ общаго вывоза Франціи, равняющагося 6234 милл. фр., только 108 милл. было вывезено въ 1912 г. во французскую Западную Африку, Центральную Африку, Мадагаскаръ и Сомали. Одинъ только вывозъ въ Бельгію былъ въ 10 разъ больше (въ 1911 г.: 1024 милл.). Ввозъ изъ этихъ африканскихъ колоній равнялся 119 милл., весь же ввозъ 7172 милл., а ввозъ изъ Бельгіи—543 милл.

Весьма незначительны также торговыя сношенія Германіи съ ея африканскими колоніями. Весь ввозъ въ Германію опредѣлялся въ 1913 году въ 10.770 милл. марокъ, при чемъ изъ нѣмецкихъ колоній въ Африкѣ было вывезено всего на 42,5 милл. марокъ. Изъ общей суммы вывоза Германіи (10.097 милл. мар.) на долю ея африканскихъ владѣній приходится только 52 милл. марокъ.

Даже Англія получаетъ изъ своихъ африканскихъ колоній, присоединеніе которыхъ произошло уже въ имперіалистическую эру, кромѣ Трансваля, весьма умѣренную прибыль. Въ 1912 г. Англія вывезла собственныхъ издѣлій на 487 милл. фунт. Въ африканскихъ колоніяхъ ея вывозъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

Восточно-африканскія области . . .	1241	тыс.	фунт.
Родезія и Базуто	863	»	»
Нигерія	5065	»	»
Всего:	7169	тыс.	фунт.

Если причислить къ нимъ также страны добычи золота, Трансваль и Оранжевую республику, которыя въ дѣйствительности—не колоніи, а союзныя государства, то сумма вывоза почти удваивается: въ 1912 г. въ эти двѣ области было вывезено британскихъ издѣлій на сумму 6637 фунт. Безъ этой суммы доходъ имперіалистической эры въ Африкѣ былъ бы для Англіи незначительнымъ. Иначе обстоитъ дѣло съ Египтомъ. Стоимость британскаго ввоза въ Египетъ равнялась въ 1912 г. 9,5 милл. ф. Не менѣе выгодными областями для сбыта являются старыя колоніи: Капская земля и Наталь, купившія въ томъ же году на 14,8 милл. ф. британскихъ товаровъ. Но онѣ такъ же, какъ Трансваль и Оранжевая республика, не принадлежатъ къ числу областей, къ которымъ примѣняются имперіалистическіе методы.

Несмотря на сравнительно второстепенное значеніе боль-

шинства атриканскихъ владѣній для промышленности метрополіи, соперничество изъ-за африканскихъ областей способствовало въ немалой степени всеобщему вооруженію и уже нѣсколько разъ почти доводило до всемірной войны. Но каждый разъ въ рѣшительный моментъ заинтересованныя державы приходили къ заключенію, что объектъ не стоитъ такой громадной жертвы, какъ міровая война, и конфликтъ разрѣшался мирнымъ путемъ. Такъ было въ 1898 г., когда французы заняли Фашоду, что вызвало протестъ со стороны Англіи. Немного спустя наступилъ моментъ, когда казалось, что разразится война между Германіей и Англіей изъ-за бурскихъ республикъ. Наконецъ, въ 1911 г. отношенія между тремя крупными западно-европейскими державами настолько натянулись изъ-за Марокко, что война казалась неизбѣжной. Но и на этотъ разъ удалось избѣгнуть ея. Съ тѣхъ поръ не возникало больше ни малѣйшаго африканскаго конфликта, разрѣшенія котораго можно было бы ждать отъ настоящей войны. Въ данный моментъ нѣтъ никакого противорѣчія интересовъ въ Африкѣ, которое могло бы оправдать войну даже съ имперіалистической точки зрѣнія. Единственными съ экономической точки зрѣнія цѣнными областями для европейскаго капитализма являются въ данный моментъ Южная Африка и Египетъ, а также Алжиръ. Первая уже вошла въ стадію современной демократіи, и ее можно сохранить за собой только при помощи демократическихъ методовъ, но не грубой силы, а Египетъ все замѣтнѣе приближается къ этой стадіи. Если обстоятельства сложатся такъ, что онъ получитъ возможность сбросить съ себя англійское иго, то онъ также будетъ въ состояніи обезпечить себя и отъ всякаго другого. То же самое относится и къ Алжиру. Эти области не могутъ больше разсматриваться, какъ спорные объекты имперіалистическихъ вождѣлѣній, какъ націи безъ собственной воли, которыми побѣдитель можетъ распоряжаться по собственному усмотрѣнію.

г) Китай.

Если не считать Южной Африки, Египта и Алжира, на который Франція, начиная съ 1830 г., потратила больше денегъ, чѣмъ она уплатила Германіи въ видѣ военной контрибуціи въ 1871 г. и который еще и по сей день нуждается въ широкой поддержкѣ метрополіи, то мы видимъ, что для мірового рынка и для вывоза капитала наиболѣе важной среди всѣхъ областей, куда устремляется завоева-

тельная политика имперіализма, теперь становится Китай. Ввозъ въ Африку, не считая вышеуказанныхъ областей, равнялся въ 1909 г. 950 милл. марокъ, а въ Китай—1200 милл. марокъ. Вывозъ капитала въ Китай и Африку почти не поддается сравненію. Вывозъ капитала изъ Англіи, съ одной стороны въ Китай, а съ другой—во всѣ ея колоніи, за исключеніемъ Индіи, Южной Африки, Канады и Австраліи, значитъ, также въ Вестъ-Индію и въ колоніи Малаккскаго пролива, характеризуется по даннымъ Аскью слѣдующей таблицей:

	Китай.	Колоніи.
въ 1908 г.	5,0 милл. фунт. ст.	7,4 милл. фунт. ст.
« 1909 «	7,7 « « «	9,9 « « «
« 1910 «	1,6 « « «	20,7 « « «
« 1911 «	7,4 « « «	10,9 « « «
« 1912 «	6,0 « « «	4,6 « « «
« 1913 «	6,9 « « «	3,3 « « «

Итакъ, вывозъ капитала въ Китай значительно превосходилъ въ послѣдніе годы вывозъ въ тѣ колоніи, пріобрѣтеніе которыхъ слѣдуетъ приписать въ первую очередь имперіалистическимъ стремленіямъ.

Вывозъ товара и капитала въ Китай долженъ быстро увеличиваться. Африка въ три раза больше Китая, но населеніе Китая въ три раза больше населенія Африки и равняется почти населенію всей Европы, считая и Россію. При этомъ производительность труда китайскихъ рабочихъ, а слѣдовательно и прибавочная стоимость, значительно превосходитъ средній уровень труда африканцевъ. Какъ въ Индіи, такъ и въ Китаѣ промышленность еще до проникновенія туда капитализма достигла того высшаго уровня, который только можетъ быть достигнутъ докапиталистической техникой, т.-е. ручнымъ трудомъ. Культурный уровень китайскаго населенія, его широкой массы, за исключеніемъ населенія пограничныхъ областей, значительно болѣе равномѣренъ, чѣмъ населенія Индіи. Сельское хозяйство также почти вездѣ достигло болѣе высокой степени развитія, чѣмъ у индусовъ. По своей интенсивности оно еще и по сей день служитъ образцомъ для европейскаго наблюдателя. Оно, несомнѣнно, достигло высшей степени, какая можетъ быть доступна сельскому хозяйству въ мелкомъ производствѣ безъ примѣненія современной науки.

Тѣмъ не менѣе, эта колоссальная высоко развитая человѣческая масса все еще находится во власти примитив-

ной демократіи и, слѣдовательно, въ государственной жизни во власти восточнаго деспотизма. Стать во главѣ этой массы казалось для западно-европейской крупной державы такимъ же легкимъ дѣломъ, какъ подчинить себѣ Индію, а добыча не менѣе заманчивой. Эта задача казалась тѣмъ болѣе легкой, что военная система китайцевъ была совершенно устарѣлой, а ихъ пониманіе военнаго дѣла равнялось нулю. Защищенная съ суши пустынями и цѣпями горъ, почти недоступная со стороны моря для не вполнѣ совершенной морской техники, эта необъятная человѣческая масса вѣками не сталкивалась съ крупнымъ врагомъ и могла спокойно заниматься мирнымъ трудомъ.

Только съ возникновеніемъ пароходства явилась возможность переправлять болѣе крупныя массы войска изъ Европы въ Китай, что могло подвергнуть имперію опасности. Но и большой дессантъ врядъ ли могъ бы сломить этого колосса и захватить его въ свои руки. Къ этому присоединялось слѣдующее: въ Англіи побѣдилъ индустріальный капиталъ со своими фритрэдерскими взглядами какъ разъ въ то время, когда завоеваніе Китая европейской державой сдѣлалось возможнымъ. А Англія, благодаря своему морскому владычеству, представляла самую большую опасность для Китая. Не завоеваніе, а открытіе дверей Китая для свободной торговли стало цѣлью Англіи и она до сихъ поръ твердо придерживается этой цѣли такъ же, какъ и принципа свободной торговли. Несмотря на весь имперіализмъ, англійскій капиталъ полагаетъ, что свои дѣлишки въ Китаѣ онъ лучше всего обдѣлаетъ при сохраненіи принципа открытыхъ дверей. Въ этомъ его поддерживаютъ Соединенные Штаты. Холодные и разсчетливые, не увлекающіеся внѣшнимъ блескомъ, англичане правильно разсчитали, что такой рынокъ, какъ китайскій, находящійся въ рукахъ такого высоко развитого народа, не можетъ быть захваченъ при помощи артиллерійскихъ орудій, а только дешевизной предлагаемаго товара, съ одной стороны, и довѣріемъ—съ другой. Одна только дешевизна еще не приводитъ къ цѣли, такъ какъ порожденный враждой бойкотъ можетъ даже дешевизну надолго лишить ея побѣдоносной силы.

Не всѣ державы придерживались по отношенію къ Китаю англо-американской тактики. Россія, Франція и Японія нанесли ему чувствительные удары, отнявъ крупныя области. Но ядро Китая охранялось обѣими англо-саксонскими державами. Войны изъ-за и противъ Китая только ускорили реорганизацію страны. Онѣ заставили эту «сре-

динную имперію» создать современную армію, а также современные пути сообщенія, и проводить желѣзныя дороги. Вліяніе прессы также замѣтно растетъ. Для охраны интересовъ Китая это важнѣе арміи. Армія можетъ быть разбита, но національный духъ, проснувшійся въ Китаѣ благодаря современнымъ средствамъ и способамъ сообщенія и ведущій къ замѣнѣ мышленія примитивной демократіи современнымъ, не можетъ быть уничтоженъ. На продолжительное время современная демократія не въ состояніи мириться съ чужимъ господствомъ и оказываетъ ему непреодолимое сопротивленіе. Если это вѣрно по отношенію къ иноземному господству европейской державы надъ болѣе мелкимъ сосѣднимъ государствомъ, то тѣмъ болѣе—по отношенію къ господству надъ такой громадной и расположенной далеко отъ Европы страной.

Національное чувство въ Китаѣ значительно быстрѣе, чѣмъ въ Остъ-Индіи, преодолѣваетъ партикуляризмъ мелкихъ мѣстныхъ разноязычныхъ соціальныхъ и религіозныхъ круговъ. Ни одной странѣ въ мірѣ не присущъ такой религіозный индифферентизмъ, такое поразительное отсутствіе сословныхъ различій, обусловливаемыхъ происхожденіемъ. И вся эта необъятная масса народа говоритъ на одномъ языкѣ. Правда, этотъ языкъ, вслѣдствіе отсталости средствъ сообщенія, до послѣдняго времени распадается на многочисленные мѣстные діалекты, настолько отличающіеся другъ отъ друга, что, пожалуй, двумъ китайцамъ, говорящимъ на различныхъ діалектахъ, труднѣе столковаться между собой, чѣмъ двумъ нѣмцамъ, изъ которыхъ одинъ говоритъ на нижне-нѣмецкомъ, а другой —на швейцарско-нѣмецкомъ діалектѣ.

Противуположнымъ свойствомъ обладаетъ китайская письменность. Въ ней отдѣльный звукъ обозначаетъ не звукъ, а понятіе, какъ наши цыфровые знаки. Они на каждомъ языкѣ выговариваются иначе, но всѣ понимаютъ ихъ одинаково. Китайскую письменность гораздо труднѣе изучить, чѣмъ европейскую. Но если ее изучить, то получится возможность столковаться съ каждымъ, кто владѣетъ ею даже въ томъ случаѣ, если не понимать его языка. Общая письменность является, благодаря этому, могучимъ средствомъ національнаго сплоченія и взаимнаго пониманія. Впрочемъ и въ Европѣ письменность послужила средствомъ для преодолѣнія провинціальнаго партикуляризма съ его діалектами. Безъ письменности, безъ знанія грамоты мы едва ли дошли бы до національнаго государства. Въ этомъ отношеніи Китай находится

въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ Индія, ибо народное образованіе въ Китаѣ стоитъ на болѣе высокой ступени, чѣмъ въ Индіи.

Итакъ, условія для перехода отъ примитивной демократіи къ современной, основывающейся на національномъ государствѣ или стремящейся къ нему, находятъ себѣ въ Китаѣ значительно болѣе выгодную почву, чѣмъ въ Индіи. Стоитъ только подумать, какую бы колоссальную силу представляла собой Европа, если бы она преобразовалась въ единое національное государство, и тогда станетъ ясно, какая громадная сила назрѣваетъ въ китайскомъ государствѣ—независимо отъ его боевой способности. Экономическое давленіе, которое можетъ оказать такая колоссальная масса, достаточно, чтобы вызвать чувство почтенія къ себѣ. Оно уже сегодня налицо и будетъ расти съ каждымъ годомъ.

Значеніе Китая для дальнѣйшаго расширенія капитализма едва ли возможно переоцѣнить. Но и всякая имперіалистическая политика со стороны любой европейской державы все болѣе теряетъ тамъ почву. Попытки Японіи занять въ Китаѣ господствующее положеніе могутъ легко привести къ тому, что Японія и Китай сольются въ одно общее государство.

д) Турція.

Единственнымъ объектомъ имперіализма остаются еще, помимо вышеуказанныхъ областей, Турція и Персія. Чтобы не слишкомъ растянуть наше изложеніе, мы не будемъ касаться въ дальнѣйшемъ Персіи такъ же, какъ при разсмотрѣніи условій въ Африкѣ мы не касались Египта и Алжира. Какъ то, что нами было сказано объ Индіи, въ извѣстной степени подходитъ къ Египту и въ меньшей къ Алжиру, такъ и тѣ выводы, которые будутъ нами сдѣланы относительно Турціи, отчасти подходятъ и къ Персіи.

Для товарной торговли Турція играла въ послѣдніе годы сравнительно большую роль. Въ международномъ обозрѣніи статистическаго ежегодника Германской имперіи, въ таблицѣ внѣшней торговли съ важнѣйшими государствами земного шара, Турція не упомянута, хотя приведены такія страны, какъ Болгарія, Сербія, Греція, Костарика. Но она тѣмъ не менѣе не лишена значенія. По «Statesmans Jearbook», ввозъ въ Турцію составлялъ въ

1911 г. 37,8 милл. фр., а вывозъ—22,5 милл. фр. Эта статистика, правда, не страдаетъ излишней достовѣрностью. По нѣмецкой имперской статистикѣ вывозъ изъ Германіи въ Турцію составлялъ въ 1911 г. 113 милл. марокъ, турецкая же статистика опредѣляла вывозъ изъ Германіи 3,5 турецк. фунтами, т.-е. 63 милл. мар. Участіе Турціи въ міровой торговлѣ не такъ уже незначительно, хотя слабѣе, чѣмъ Китая или британской Индіи, откуда (вмѣстѣ съ Цейлономъ) было вывезено въ 1912 г. товара на сумму свыше 3700 милл. мар., а привезено на сумму свыше 2600 милл. мар.

Турція охватываетъ области, принадлежавшія когда-то къ богатѣйшимъ въ мірѣ и достигшія, наряду съ Индіей и Китаемъ, высокой степени культуры въ то время, когда Европа пребывала еще въ глубокомъ варварствѣ. Съ долинъ Евфрата и Нила культура пробивала себѣ путь черезъ Сирію и Малую Азію въ Европу. Въ Греціи эта культура достигла высшаго подъема и оттуда распространялась дальше на востокъ и западъ. Но Греція и Римъ, а также ихъ западныя и сѣверныя владѣнія не удержались на достигнутой ими высокой степени культуры. Востокъ римско-эллинской культурной сферы—Малая Азія, Сирія, Египетъ и Месопотамія—лучше умѣлъ сохранять достигнутую имъ культуру. Онъ во все средневѣковье игралъ роль наставника Европы въ искусствѣ и наукахъ.

Какъ въ древнія времена, такъ и въ средневѣковьи богатства Передней Азіи и Египта такъ же, какъ и Индіи, временами являлись приманкой для разбойничьихъ кочевыхъ ордъ, которыя оказывались порою настолько сильными, что оставались въ завоеванной странѣ въ качествѣ господствующаго класса, какъ, напр., арабы. Какими бы варварами они не проявляли себя при вторженіи, они обычно быстро приспособлялись къ культурѣ завоеванной страны и двигали ее впередъ.

Исключеніе составили османы, принадлежавшіе къ турецкому племени. Они пришли изъ Персіи, проникли въ 14-мъ столѣтіи черезъ сѣверъ Малой Азіи въ Европу и засѣли прочно во Фракіи и Македоніи. Въ 15-мъ вѣкѣ они стали совершать набѣги на Грецію и даже на Венгрію, завоевали Константинополь, а въ 16-мъ вѣкѣ также Сирію и Египетъ.

Можно было ожидать, что османы или, какъ ихъ обычно называли, турки такъ же, какъ и арабы, сбросятъ съ себя постепенно грубость нравовъ и приспособятся къ культурѣ завоеванной страны. Но этого не случилось.

Причиной—было отнюдь не какое-либо особенное расовое предрасположеніе османовъ. Впрчемъ о таковомъ трудно было что-нибудь сказать, такъ какъ они очень скоро смѣшались съ побѣжденными. Причиной была особая историческая ситуація, совпавшая со временемъ покоренія ими Передней Азіи и Балканскихъ государствъ. Къ этому времени какъ разъ судоходная техника въ западно-европейскихъ государствахъ настолько подвинулась впередъ, что можно было совершать разъѣзды по океану. Чѣмъ свирѣпѣе хозяйничали османы на восточномъ побережьи Средиземнаго моря, препятствуя также и торговлѣ съ Индіей, тѣмъ сильнѣе было побужденіе найти при помощи усовершенствованной морской техники прямой путь въ Индію. Такимъ образомъ, господство османовъ дало толчокъ въ сторону изобрѣтеній и колонизаціи.

Торговля съ восточной Азіей, оплодотворявшая до того времени восточную Европу, Переднюю Азію и Египетъ, быстро пошла на убыль. Это еще больше усиливало дѣйствіе опустошеній османовъ или турокъ, чѣмъ это могло случиться при другихъ условіяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ крупные доходы и связанныя съ ними подати стали уменьшаться, завоеватели стали думать только о томъ, какъ бы этотъ дефицитъ пополнить усиленной эксплуатаціей крестьянства. Благодаря этому экономическій упадокъ, вызванный измѣненіемъ торговыхъ дорогъ, еще усилился и не прерывался больше. Одновременно турки проявили стремленіе къ добыванію новыхъ богатствъ не посредствомъ расширенія торговли, а путемъ военнаго расширенія. Они не сознавали, что военная сила до нѣкоторой степени зависитъ отъ развитія хозяйства и наукъ, что военная политика, игнорирующая или тормозящая прогрессъ въ хозяйственной жизни и наукахъ, собственными руками подрубаетъ сукъ, на которомъ она сидитъ.

Въ то время, какъ турки въ восточной Европѣ и ближней Азіи своей системой грабежа, подрывавшей или непосредственно уничтожавшей всѣ научныя и хозяйственныя пріобрѣтенія, мало-по-малу доводили свои области до состоянія варварства, Западная Европа въ экономическомъ и научномъ отношеніи быстро двигалась впередъ. Это давало ей также возможность поднять свою военную силу на болѣе высокій уровень: организовать постоянное войско и все больше совершенствовать огнестрѣльное оружіе.

Не всѣ европейскія государства были въ состояніи вы-

нести бремя, наложенное на нихъ соревнованіемъ въ вооруженіи. Мы видѣли выше, что Испанія пала жертвой его. Чѣмъ отсталѣе была страна въ экономическомъ отношеніи и чѣмъ сильнѣе была ея вѣра въ рѣшающее значеніе военныхъ средствъ и силы въ жизни народовъ, тѣмъ сильнѣе она должна была страдать отъ новыхъ реформъ въ области милитаризма.

Особенно должна была пострадать Турція, такъ какъ ея властители не знали другой власти, другого средства обогащенія, кромѣ войны, кромѣ завоеваній и грабежей, а способъ производства въ ней стоялъ на такомъ низкомъ уровнѣ, что производство приносило только незначительную прибыль, недостаточную для содержанія постоянной и большой арміи.

Условія не измѣнились къ лучшему подъ вліяніемъ широкой городской жизни въ Константинополѣ. Такъ какъ интересы господствующаго класса сосредоточивались исключительно на войнахъ, эксплуатаціи крестьянъ и ограбленіи сосѣдей, то этотъ высшій городской классъ былъ воспріимчивъ не къ высшему образованію, а только къ все растущей коррупціи.

При такихъ условіяхъ упадокъ военнаго строя былъ также неизбѣженъ. Въ 17-омъ столѣтіи турецкія арміи были еще нѣкоторое время въ состояніи оказывать задерживающее вліяніе на экономическое развитіе Австріи, Польши, Россіи и Италіи, но расширять свою область они были уже не въ силахъ. Въ 1683 г., когда онѣ осаждали Вѣну, но были въ концѣ-концовъ разбиты, турки достигли крайняго предѣла расширенія. Съ того времени почти каждая война кончалась для имперіи Османовъ потерей какой-нибудь области.

Общая цѣль—война противъ Турціи—спаяла народы, населявшіе австрійскую монархію. Начиная съ 17-го стол., ея главнѣйшія территоріальныя пріобрѣтенія происходили на счетъ Турціи. Она нашла себѣ при этомъ союзницу въ Польшѣ, а послѣ упадка послѣдней въ Россіи. Еще въ 1788 г. императоръ Іосифъ II-й, въ союзѣ съ императрицей Екатериной II-й велъ войну противъ Турціи.

Но въ теченіе 19-го стол. условія измѣнились. Россія оказалась значительно болѣе могущественнымъ и опаснымъ врагомъ для Австріи, чѣмъ Турція, такъ какъ она стала проявлять тѣ же экспансивныя стремленія восточнаго деспотизма и милитаристически-бюрократическаго государства, какъ и турецкая милитаристическая монархія, но при этомъ она обладала быстро растущими си-

лами, совсѣмъ иными, чѣмъ Турція, которая очень скоро должна была занять чисто оборонительную позицію. Политика Австріи по отношенію къ Турціи съ этого времени стала колеблющейся. Въ ея господствующихъ классахъ все еще сохранились тенденціи дальнѣйшаго расширенія за счетъ Турціи, но въ то же время все сильнѣе укоренялся взглядъ, что насущный интересъ Дунайской монархіи требуетъ пріостановленія всякаго дальнѣйшаго проникновенія Россіи въ Турцію и сохраненія цѣлости послѣдней. Историческая роль Австріи, бывшей борцомъ противъ Турціи, превращалась все больше въ роль барьера противъ Россіи. Благодаря стремленію Россіи къ Константинополю, Турція пріобрѣла себѣ еще новыхъ друзей въ лицѣ средиземныхъ державъ: Франціи и Италіи, а также и Англіи, видѣвшей въ Россіи прежде всего опаснѣйшаго врага для Индіи. Онѣ всѣ объединились, чтобы защищать Турцію противъ Россіи, что ясно обнаружилось въ Крымской войнѣ.

Россія убѣдилась, что съ завоеваніемъ Турціи ей не везетъ. Она и выбрала другое средство для покоренія ея. Въ собственной странѣ централизованный абсолютизмъ старался подавить не только всякое демократическое движеніе, но и національныя особенности. По отношенію къ Турціи онъ сталъ играть противоположную роль покровителя и демократическаго, и національнаго движенія. Онъ поощрялъ преобразованіе европейской Турціи въ союзъ современныхъ національныхъ государствъ послѣ того, какъ его попытки завоевать ее оказались тщетными. Онъ надѣялся, что автономныя мелкія національныя государства, обязанныя ему своимъ существованіемъ, будутъ его вассалами. Историческая необходимость заставляла его искать дальнѣйшаго расширенія въ Европѣ не путемъ прямого расширенія своего абсолютистскаго государства, а путемъ поощренія къ созданію зависимаго отъ него болѣе или менѣе демократическаго союза государствъ. Союзъ Балканскихъ государствъ, долженствовавшій превратить ихъ въ вассаловъ Россіи, не могъ, однако, открыто оформить эту зависимость. Онъ основывался на дипломатическихъ интригахъ и на временной общности интересовъ. Когда эти факторы потеряли свое дѣйствіе, союзъ быстро распался.

Для Австріи, однако, образованіе самостоятельныхъ національныхъ государствъ по сосѣдству съ нею и подъ русскимъ верховенствомъ означало необходимость придать собственной внутренней политикѣ и организаціи фор-

му, которая подняла бы ея внутреннюю притягательную силу. Но это могла быть только такая форма, которая превратила бы ее самое въ союзъ автономныхъ національныхъ государствъ или областей. Это былъ бы лучшій выходъ для отраженія опасности, которая грозила ей отъ русской политики на Балканахъ. Но этотъ путь натолкнулся на сильное сопротивленіе. Съ возникновеніемъ имперіализма этотъ новый факторъ сталъ играть роль въ жизни Турціи. Съ 90-ыхъ годовъ финансовый капиталъ, находившійся въ тѣсномъ союзѣ съ крупнымъ промышленнымъ капиталомъ, сталъ видѣть въ Турціи многообѣщающую область для вывоза капитала, что способствовало бы увеличенію ввоза продуктовъ промышленности туда и вывозу сырыхъ матеріаловъ оттуда. Вѣдь, помимо природныхъ богатствъ, Турція обладаетъ трудоспособнымъ населеніемъ, нуждающимся только до сего времени въ матеріальныхъ средствахъ и въ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ, чтобы примѣнить свой трудъ въ болѣе производительныхъ формахъ. Началась постройка желѣзныхъ дорогъ въ Азіатской Турціи, вырабатывались планы оросительныхъ каналовъ, словомъ, страна стала понемногу оживать. Въ 1890 г. въ Малой Азіи и Сиріи было всего проложено 850 клм. рельсоваго пути. Въ 1912 г. длина его достигла въ Азіатской Турціи 5200 клм.

Особенно сильно устремился въ Турцію нѣмецкій капиталъ. Одновременно произошла также перемѣна въ нѣмецкой политикѣ. Бисмаркъ относился къ участію Германіи въ дѣлахъ Турціи, не стоившей, по его мнѣнію, костей одного померанскаго гренадера, такъ же сдержанно, какъ и къ колоніальной политикѣ. Послѣ Каприви произошла по отношенію къ обоимъ вопросамъ перемѣна въ политикѣ, повлекшая за собой усиленіе флота.

Эта новая политика вызвала страхъ въ Англіи. Еще въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ Россія, Германія стала въ ея глазахъ угрозой для ея владѣній въ Индіи—благодаря сильному флоту и ея союзу съ Австріей и Турціей. Англійскіе политики уже видѣли передъ своими глазами прямое желѣзно-дорожное сообщеніе отъ Берлина черезъ Австрію, Санджакъ въ Салоники, Константинополь, Багдадъ, Индію. Они уже предусматривали возможность нападенія на послѣднюю сухимъ путемъ черезъ Персію. И одновременно со страхомъ передъ Германіей началась дружба съ Россіей, особенно горячо проявившаяся въ консервативныхъ кругахъ, бывшихъ еще недавно отъявленными врагами Россіи, но наиболѣе заинтересованныхъ въ военномъ

господствѣ и сохраненіи Индіи. Не Суданъ или Конго, не Южная Африка, не Марокко и даже не Китай, а Турція стала той грозовой тучей, откуда могла разразиться гроза всемірной войны.

Но и эта туча прошла мимо. Имперіалистическій періодъ, на ряду съ совершенными имъ переворотами и могущими еще произойти подъ его вліяніемъ, пробудилъ въ Турціи такъ же, какъ въ Китаѣ, Индіи, Египтѣ и Персіи, зачатки національной жизни, правда, пока еще весьма слабые. Турція не обладаетъ ни такой многочисленной интеллигенціей, какъ Китай или Индія, ни національной городской буржуазіей. Послѣднюю составляютъ преимущественно греки и армяне, которые часто чувствуютъ себя иностранцами, хотя бы они и состояли въ турецкомъ подданствѣ. Характерно для Турціи, какъ милитаристическаго государства, что попытки ея политической регенераціи исходили отъ офицерства, которое вынуждено было познакомиться съ европейской постановкой дѣла, чтобы сдѣлать армію хоть сколько-нибудь пригодной. Среди всѣхъ круговъ Турціи, признавшихъ необходимость основательныхъ реформъ, офицерство было единственнымъ элементомъ, который былъ въ силахъ произвести нѣкоторыя реформы. Оно было зачинщикомъ младотурецкой революціи 1908 г., давшей странѣ конституцію и парламентъ.

Было бы здѣсь слишкомъ долго разсказывать, какъ сложились дальнѣйшія событія, приведшія прежде всего къ формальной аннексіи Босніи, что дало первый толчокъ къ перевороту на Балканскомъ полуостровѣ, къ образованію Балканскаго союза и его войнѣ противъ Турціи. Былъ моментъ, когда казалось, что эта война превратится въ міровую, но и на этотъ разъ гроза прошла мимо. Албанія, казавшаяся въ началѣ ареной, на которой разыгрывается страшная трагедія, превратилась подъ конецъ въ самую веселую оперетку. Вмѣсто того, чтобы зажечь міровой пожаръ, война противъ Турціи создала ситуацію, облегчившую мирныя объясненія между Англіей и Германіей, такъ какъ она прервала прямую территоріальную связь между Турціей и Австріей: между обѣими державами выросла ограда изъ самостоятельныхъ государствъ. Благодаря этому Багдадская дорога и дѣятельность нѣмецкаго капитала въ Турціи потеряли свой угрожающій характеръ для самаго опасливаго англичанина. Мы знаемъ теперь, что между Англіей и Германіей уже былъ почти заключенъ договоръ, долженствовавшій устранить всѣ спорные турецкіе вопросы. Нынѣшняя война помѣшала подписать его. Она разрази-

лась въ такой моментъ, когда не было налицо ни одного спорнаго имперіалистическаго вопроса.

Ея исходнымъ пунктомъ была противуположность интересовъ между Австріей и поддерживаемой Россіей Сербіей. Въ основѣ этой противуположности не лежали имперіалистическіе мотивы. Сербіи еще далеко до всякихъ имперіалистическихъ тенденцій, она еще находится въ стадіи развитія національнаго государства. Мы ознакомились уже съ экспансивными стремленіями Россіи, милитаристически-бюрократическаго государства съ неспособной къ міровой конкуренціи промышленностью, стремленіемъ къ базѣ на Средиземномъ морѣ—но всѣ эти стремленія доимперіалистическаго характера. Еще не можетъ быть рѣчи о вывозѣ капитала изъ Россіи, она сама еще нуждается во ввозѣ его. Она скорѣе объектъ, чѣмъ субъектъ экспансивныхъ стремленій капитала старыхъ капиталистическихъ державъ.

Но и Австрія нуждается еще во ввозѣ капитала. Правда, ея промышленность стремится къ новымъ рынкамъ. Отъ времени до времени она обнаруживала признаки имперіалистическихъ стремленій, выражавшіеся въ желаніи обладать Салониками. Но это стремленіе уже давно прекратилось. Не потребности работающей на вывозъ промышленности, а скорѣе потребности аграріевъ создали противоположность интересовъ между ней и Сербіей.

Мы, слѣдовательно, имѣемъ полное право сказать, что восточно-европейскій исходный пунктъ войны не былъ имперіалистическимъ. Восточная Европа еще не подвинулась настолько впередъ, чтобы ея политика должна была руководствоваться имперіалистическими потребностями.

Въ западной Европѣ къ моменту наступленія войны отсутствовали спорные имперіалистическіе пункты. Они всѣ были раньше урегулированы.

е) Міровая война.

Итакъ, на первый взглядъ, современная война не кажется имперіалистической. Но она тѣмъ не менѣе является таковой, но только въ конечной степени. Имперіализмъ—виновникъ міровой катастрофы постольку, поскольку онъ служилъ побудительной причиной соперничества въ вооруженіи, втянувшаго, естественно, въ свой кругъ всѣ крупныя державы, независимо отъ того, побуждаютъ ли ихъ къ этому имперіалистическіе мотивы или нѣтъ. Это состязаніе въ вооруженіи должно было неминуемо привести къ войнѣ, если бы оно не было во-время пріостановле-

но,—даже при условіи, если бы всѣ спорные имперіалистическіе пункты удалось уладить путемъ мирныхъ соглашеній.

Дѣйствительно, если мы прослѣдимъ событія между австрійскимъ ультиматумомъ къ Сербіи и началомъ войны, то мы увидимъ, что воинственное настроеніе не возгорѣлось изъ-за какихъ-нибудь территоріальныхъ или экономическихъ требованій, выставленныхъ одной стороной и отвергнутыхъ другой, а исключительно изъ факта мобилизаціи другъ противъ друга. Вопросъ о томъ, кто виноватъ въ войнѣ превращается, такимъ образомъ, въ вопросъ о времени и характерѣ отдѣльныхъ приказовъ о мобилизаціи. Блестящая оборона, созданная государствами ради сохраненія мира, вовлекла ихъ въ войну при первой попыткѣ воспользоваться ею.

Благодаря своему своеобразному происхожденію, война носитъ также своеобразный характеръ. Если бы объектъ спора былъ имперіалистическимъ, какъ, напр., Марокко, то воодушевленіе войной въ народѣ было бы весьма слабо, а сопротивленіе войнѣ весьма значительно. Поэтому имперіалистическія разногласія неспособны были до сихъ поръ непосредственно вызвать войну. Иначе обстоитъ дѣло съ войной, являющейся слѣдствіемъ состязанія въ вооруженіи. Послѣднее, вслѣдствіе налагаемаго имъ все растущаго бремени, уже давно вызывало въ народныхъ массахъ, поскольку онѣ не сознавали истинныхъ причинъ его, все растущую злобу противъ заграницы, которой приписывалась вина въ необходимости вооруженія. Съ увеличеніемъ вооруженія росло также недовѣріе противъ ожидаемыхъ противниковъ, ибо у каждаго возникалъ вопросъ, для какой цѣли происходитъ накопленіе такого громаднаго количества военныхъ средствъ, если не имѣть въ виду полнаго уничтоженія противной стороны? Мобилизація и война довели это настроеніе до точки кипѣнія, а отсутствіе опредѣленныхъ требованій съ какой бы то ни было стороны заставляло и ту и другую сторону опасаться самаго худшаго въ случаѣ пораженія, что создавало пламенное воодушевленіе въ пользу побѣды собственной арміи.

Это воодушевленіе совершенно не относилось на первыхъ порахъ къ имперіализму, связь котораго съ войной не была въ достаточной мѣрѣ понятна массамъ. Но, несомнѣнно, національное воодушевленіе способствовало проникновенію имперіалистическихъ тенденцій, вплоть до рядовъ нашей партіи, хотя, правда, зачатки ихъ существовали за много лѣтъ до войны.

На своеобразномъ происхожденіи войны—вслѣдствіе

состязанія въ вооруженіи и мобилизаціи—основана не только причина всеобщаго воодушевленія войной во всѣхъ воюющихъ странахъ, но такое происхожденіе войны затрудняетъ и ея окончаніе.

Обычно война возникала, когда два суверенныхъ государства не могли мирнымъ путемъ притти къ соглашенію относительно опредѣленныхъ требованій и предоставляли разрѣшеніе ихъ силѣ оружія.

Въ Крымской войнѣ долженъ былъ разрѣшиться вопросъ, допустятъ ли западныя государства и Австрія дальнѣйшее расширеніе Россіи на счетъ Турціи. Въ войнѣ 1859 года рѣшался вопросъ, сохранитъ ли Австрія свое положеніе въ Италіи, или потеряетъ его, въ войнѣ 1864 года—останется ли Шлезвигъ-Гольштинія за Даніей, а въ войнѣ 1866 г.—въ чьи руки эта область должна перейти и будетъ ли также и впредь Габсбургская династія имѣть право вмѣшиваться въ дѣла нѣмецкихъ государствъ, или Пруссія будетъ единственной крупной державой среди нихъ. Наконецъ, въ 1870 г. вопросъ—хотя и не формальный,—состоялъ въ томъ—достаточно ли сильна Французская имперія, чтобы помѣшать объединенію Германіи. Когда, спустя нѣсколько недѣль, Французская имперія перестала существовать, этотъ спорный пунктъ былъ разрѣшенъ. Республика не имѣла ни силы, ни желанія мѣшать объединенію Германіи. На сцену появился новый объектъ для раздоровъ, требованіе объ уступкѣ Эльзасъ-Лотарингіи.

Это были все опредѣленныя, заранѣе намѣченныя цѣли, изъ-за которыхъ велись всѣ эти войны.

Теперь же война уже длится восемь мѣсяцевъ [1]) и пока еще ни одно изъ воюющихъ правительствъ ни въ малѣйшей степени не заикнулось о требованіяхъ, во имя которыхъ оно ведетъ войну. Они всѣ борются во имя побѣды, всѣ во имя длительнаго мира, но ни одно—за какое-либо конкретное требованіе.

Событія пошли путемъ совершенно противоположнымъ обычному. Обычно государства сперва формулировали требованія, объявляли затѣмъ войну и приступали къ мобилизаціи. На этотъ разъ мобилизація была объявлена не изъ-за войны, а война изъ-за мобилизаціи, а отъ исхода войны будетъ зависѣть установленіе цѣлей, изъ-за которыхъ она будто бы велась и исполненіе которыхъ захотятъ навязать противнику. Какъ добиться при такихъ условіяхъ мира? Пока борьба будетъ итти не за опредѣлен-

---

[1]) *Прим.* Настоящая брошюра написана въ 1915 г.

ныя требованія, а за смутныя опасенія, не имѣющія предѣловъ, до тѣхъ поръ каждая сторона будетъ прилагать всѣ свои усилія, чтобы не быть побѣжденной. Если бы она въ точности знала, чего требуетъ отъ нея противникъ, она, можетъ быть, пришла бы къ заключенію, что продолженіе войны, даже въ случаѣ ея побѣды, можетъ ей принести больше вреда, чѣмъ соглашеніе по поводу выставленныхъ требованій.

Пока намъ извѣстны только мнѣнія частныхъ лицъ въ отдѣльныхъ странахъ объ условіяхъ, при которыхъ могъ бы быть заключенъ миръ. Насъ интересуютъ въ данномъ случаѣ преимущественно соціалистическіе голоса. Нѣкоторые изъ нихъ исходятъ изъ того взгляда, что побѣда одной стороны можетъ привести за собой свободу для народа другой. Французскіе товарищи полагаютъ, что побѣдоносная Франція можетъ наградить Германію демократическимъ режимомъ, а нѣмецкіе товарищи солидарны съ ними, поскольку они увѣрены въ томъ, что побѣда Германіи приведетъ къ смѣнѣ режима въ Россіи. Подтвержденіе своему взгляду они ищутъ въ прежнихъ войнахъ, въ особенности въ войнѣ 1870 г., въ которой Франція, благодаря своему пораженію, превратилась въ республику.

Но республиканскій строй не былъ преподнесенъ ей побѣдителемъ. Бисмаркъ встрѣтилъ республику далеко не восторженно. Республика была создана для болѣе энергичной борьбы противъ вторгшейся Германіи. Это сдѣлало ее популярной. Если бы побѣдоносная Германія въ 1871 г. навязала Франціи республику, то къ ней относились бы, какъ къ орудію врага государства, и ничто не могло бы сильнѣе дискредитировать ее въ глазахъ населенія.

Энгельсъ въ своей статьѣ о «Соціализмѣ въ Германіи» (Neue Zeit, X, стр. 580), на которую теперь такъ часто ссылаются, доказываетъ возможность того, что успѣшное вторженіе союзной съ Россіей Франціи въ Германію могло бы создать переворотъ въ пользу соціальдемократіи, но только въ томъ случаѣ, если бы она подобно санкюлотамъ въ 1793 г. вела противъ вторгшагося противника болѣе энергичную борьбу, чѣмъ буржуазныя партіи. Съ такой возможностью намъ на этотъ разъ не приходится считаться. Вмѣшательство другой стороны во внутреннія дѣла отдѣльныхъ воюющихъ странъ, какъ условіе мира или цѣль побѣды, не должно входить въ наши расчеты.

Въ дѣйствительности условія мира, формулированныя преобладающимъ большинствомъ соціалистовъ всѣхъ странъ, поскольку послѣдніе вообще высказывались, носятъ со-

всѣмъ иной характеръ. Они не были отклонены ни одной соціалистической партіей. Это блестящимъ образомъ доказываетъ, какъ сильна еще духовная связь интернаціонала. Дружная защита общей мирной программы должна стать лучшимъ средствомъ для еще большаго укрѣпленія этой связи.

Мирная программа интернаціонала не исходитъ, конечно, изъ соотношенія силъ борющихся, или изъ данной или ожидаемой военной ситуаціи, а изъ постоянныхъ и общихъ интересовъ пролетаріата въ цѣломъ и интересовъ общественнаго прогресса. Тѣ и другіе интересы совпадаютъ. Съ этой точки зрѣнія, мирная программа интернаціональнаго соціализма, выраженная наиболѣе рѣзко англійской независимой рабочей партіей, сосредоточивается на двухъ пунктахъ: никакихъ аннексій, т.-е. никакихъ территоріальныхъ измѣненій безъ согласія заинтересованнаго населенія, и разоруженіе.

О первомъ пунктѣ говорить почти не приходится. Онъ не нуждается въ поясненіи. Мы, правда, не стоимъ на точкѣ зрѣнія status quo и не придерживаемся того взгляда, что границы, сложившіяся въ ходѣ историческаго развитія, какъ равнодѣйствующія различнѣйшихъ интересовъ и соотношенія силъ, должны навѣки оставаться ненарушимыми. Но демократическая точка зрѣнія, на которой мы стоимъ, не позволяетъ намъ стремиться къ измѣненію условій существованія націй инымъ путемъ, кромѣ демократическаго. Мы уже выше указали на серьезныя неудобства и даже опасность насильственнаго включенія въ новый государственный союзъ народа, вышедшаго изъ стадіи примитивной демократіи и привыкшаго къ всестороннему дѣятельному участію въ политической жизни всего государства. Государство, идущее на такой шагъ, встрѣчаетъ не только энергичное и упорное сопротивленіе аннексированнаго населенія, но и недовѣріе и даже ненависть всѣхъ демократическихъ слоевъ всѣхъ націй. Оно ухудшаетъ этимъ весьма существенно свое внутреннее и внѣшнее положеніе. Еще въ большей степени такая аннексія вредитъ классовой борьбѣ пролетаріата, такъ какъ она затушевываетъ противорѣчія между классами. Отказъ отъ всякой аннексіи вытекаетъ, какъ мы видимъ, уже изъ демократическаго характера нашей партіи, а также изъ того вліянія и силы, которыя пріобрѣла демократія въ современной жизни народовъ и которыя растутъ съ каждымъ днемъ.

Требованіе разоруженія, наоборотъ, является логическимъ слѣдствіемъ войны. Война, какъ мы видѣли, была продуктомъ вооруженія. Послѣднее еще до войны было

тяжелымъ финансовымъ бременемъ для всѣхъ государствъ, а послѣ войны это бремя станетъ вдвойнѣ невыносимымъ, даже если оно не повысится—просто вслѣдствіе громадныхъ финансовыхъ задачъ, связанныхъ съ покрытіемъ военныхъ убытковъ.

Расходы по вооруженію не только не останутся на той же высотѣ, какъ до войны, но быстро будутъ увеличиваться, если не произойдетъ крутой перемѣны во всей системѣ. Дальнѣйшее же соперничество въ вооруженіи увеличиваетъ опасность новой войны.

Эта перспектива до того ужасающа, что можно смѣло предполагать, что нѣтъ такого правительства, которое при окончаніи войны не будетъ настаивать на условіяхъ, долженствующихъ привести къ разоруженію. Но разоруженіе принимаетъ совершенно иной характеръ, если оно проводится только одной стороной, т.-е. насильно навязывается побѣжденному, и если оно, какъ общая мѣра, является результатомъ общаго соглашенія. Какъ требованіе, предъявленное только къ одной сторонѣ, оно означаетъ сопротивленіе болѣе слабаго противника до крайнихъ предѣловъ, продолженіе войны до окончательнаго разоренія. Готовность же къ взаимному соглашенію, напротивъ, можетъ въ значительной степени ускорить заключеніе мира и положить предѣлъ этимъ ужасамъ взаимнаго уничтоженія и разоренія. И только всеобщее соглашеніе по вопросу о разоруженіи можетъ имѣть длительное значеніе. Односторонне же навязанное разоруженіе вызоветъ въ побѣжденномъ настойчивое стремленіе сбросить съ себя унизительныя обязанности, въ чемъ бы онѣ ни выражались. Миръ превращается тогда въ перемиріе, въ приготовленіе къ реваншу.

Понятно, что подъ разоруженіемъ не слѣдуетъ понимать полной ликвидаціи военной силы. Если нѣкоторые марксисты изъ болѣе мелкихъ государствъ выставляютъ такое требованіе, то это объясняется особенностью ихъ положенія, которое, по ихъ мнѣнію, заранѣе исключаетъ всякое сопротивленіе непріятельскому вторженію. Насколько это слѣдуетъ признать вѣрнымъ, зависитъ отъ отношенія къ особымъ условіямъ такихъ государствъ. Съ нашими же принципами это не имѣетъ ничего общаго. Программа нашей партіи не требуетъ отмѣны всякой арміи, а только «народной милиціи вмѣсто постоянной арміи».

Требованіе разоруженія является въ первую очередь экономическимъ требованіемъ. Оно заключается въ ограниченіи государственыхъ расходовъ на войско. Такое огра-

ниченіе можетъ быть достигнуто путемъ соглашенія между всѣми государствами, напр., сокращеніемъ обыкновеннаго военно-морского бюджета наполовину, по сравненію съ бюджетомъ послѣдняго мирнаго года. Это было бы громаднымъ облегченіемъ для государствъ, никого не обезоружило бы и даже не пріостановило бы соперничества въ вооруженіи, а только придало бы ему другую форму. Въ этомъ соперничествѣ рѣшающую роль будетъ играть не тотъ, у кого наиболѣе туго набитъ кошелекъ, а тотъ, кто обладаетъ лучшими способностями, кто въ области организаціи и техники можетъ при ограниченныхъ средствахъ достичь большихъ результатовъ, чѣмъ остальные. Это соперничество потеряло бы тогда свое ужасное жало—все растущее финансовое бремя, вызывающее чувство озлобленія у всѣхъ народовъ.

Этимъ, правда, не создалась бы еще полная гарантія мира. Но этого мы и не можемъ ожидать въ рамкахъ основаннаго на противорѣчіяхъ способа производства. Но одна изъ важнѣйшихъ причинъ была бы устранена, заинтересованнымъ классамъ легче было бы отстаивать миръ и была бы дана возможность для болѣе скораго устраненія причиненнаго войной вреда. Этому требованію интернаціональная соціальдемократія еще съ давнихъ поръ придаетъ большое значеніе. Путь къ его осуществленію лежитъ черезъ отказъ отъ имперіалистическихъ методовъ.

---

5. Торговые договоры.

Какъ бы ни сложились въ дальнѣйшемъ ходѣ войны соотношенія силъ и какія бы формы ни принялъ мирный періодъ, который наступитъ послѣ войны, одно можно сказать съ увѣренностью: въ имперіализмѣ уже наступаетъ кризисъ. Передъ нами только двѣ возможности. Возможно, что удастся сломить имперіализмъ и провести условія мира въ вышеупомянутомъ направленіи. Или же восторжествуютъ имперіалистическіе факторы и будутъ приняты соотвѣтствующія имъ условія мира. Тогда весь міръ будетъ раздѣленъ между капиталистическими державами и имперіализмъ вступитъ тогда въ новую стадію. До сихъ поръ его экспансивныя стремленія выражались въ занятіи областей съ господствующей въ нихъ примитивной демократіей, которыхъ еще никогда не аннексировала ни одна капиталистическая держава. Всякое подобное занятіе влекло за собой возможность—но не необходимость—конфликта съ другой капиталистической державой, въ результатѣ чего могла вспыхнуть міровая война.

Если послѣ войны уже всѣ подобныя области будутъ заняты, тогда всякое дальнѣйшее расширеніе какой-либо капиталистической державы можетъ произойти только на счетъ нарушенія правъ владѣнія другой, т.-е. путемъ войны. Съ этого момента всякое имперіалистическое стремленіе означаетъ стремленіе къ войнѣ. Оно не будетъ больше, какъ до сихъ поръ, весьма нежелательнымъ иногда слѣдствіемъ подобнаго стремленія, а, напротивъ, его непосредственной цѣлью.

Это означаетъ такъ же, какъ непрерывно усиливающееся вооруженіе, не считающееся съ положеніемъ финансовъ, чрезвычайное усиленіе военной опасности. Если эти тенденціи при заключеніи мира возьмутъ верхъ, тогда наступитъ такой періодъ, когда войны будутъ чередоваться съ перерывами глубокаго истощенія, и за всякой передышкой будетъ слѣдовать новая война.

Остаются только эти двѣ альтернативы. Или усиленныя гарантіи мира, или постоянная угроза миру. Или длительный миръ, или перманентное военное положеніе. Возвращеніе къ прежнему состоянію до войны немыслимо болѣе. Возможно только улучшеніе, или ухудшеніе. Въ виду этой перспективы весьма вѣроятно, что тенденціи, дѣйствующія въ сторону улучшенія условій, найдутъ больше отклика въ широкихъ массахъ народа. Но у насъ абсолютно нѣтъ основаній ослаблять нашу позицію утвержденіемъ, что не можетъ быть иного исхода войны, кромѣ того, который приводитъ къ хроническому военному положенію. А все остальное—иллюзіи.

Но какимъ бы ни былъ въ дѣйствительности исходъ войны, наша партія тѣмъ больше пріобрѣтетъ довѣріе массъ и укрѣпитъ интернаціональную солидарность, чѣмъ энергичнѣе она будетъ отстаивать свою мирную программу, независимо отъ того, благопріятны или нѣтъ виды на ея осуществленіе.

Утвержденіе, что мы этимъ становимся въ противорѣчіе съ потребностями экономическаго развитія, лишено всякаго основанія. Мы надѣемся, что приведенные выше доводы достаточно ясно доказали это.

Мы видѣли, что экспансивныя стремленія современныхъ государствъ отнюдь не вызваны исключительно потребностями промышленнаго капитала. Мы видѣли далѣе, что именно эти экспансивныя стремленія проводятся по отношенію къ аграрнымъ странамъ, имѣющимъ наиболѣе важное значеніе для капитала, болѣе успѣшно черезъ мирную демократію, чѣмъ имперіалистическими методами насилія.

Слѣдуетъ еще прибавить, что расширеніе государственной области далеко не является единственнымъ, или даже важнѣйшимъ средствомъ для усиленія и расширенія вывоза товаровъ и капитала. Какое незначительное участіе принимаютъ колоніи Германіи въ развитіи ея торговли, въ ея вывозѣ промышленныхъ издѣлій и ввозѣ сырого матеріала, мы можемъ судить по ея африканскимъ колоніямъ. Данныя, относящіяся къ другимъ колоніямъ, говорятъ то же самое. Общій вывозъ Германіи составлялъ въ 1913 г. 11 милліард. марокъ (точно: 10770,3 милл. мар., изъ нихъ—436,4 милл. золота и серебра), ея ввозъ—10 милліардовъ (точно: 10196,5 милл. мар., изъ нихъ—101,4 милл. золота и серебра). Ввозъ Германіи изъ колоній равнялся въ томъ же году 53,4 милл., вывозъ туда—54,1 милл. Ввозъ же Германіи изъ Британской имперіи вмѣстѣ съ ея владѣніями составлялъ въ 1913 г. свыше двухъ милліардовъ, вывозъ

туда—почти два милліарда. Вывозъ изъ одной только Великобританіи равнялся 876 милл., а ввозъ туда—1438 милл. По этимъ цифрамъ можно судить о томъ, что для Германіи важнѣе: ея торговля съ колоніями, или съ Британской имперіей.

То же самое относится, хотя и не въ такой очевидной степени, къ британской индустріи, несмотря на то, что британская колоніальная имперія охватываетъ не только самыя большія по размѣрамъ колоніи, но и важнѣйшія по ввозу промышленныхъ издѣлій и капитала и по доставкѣ сырого матеріала.

Цѣнность ввоза въ Англію равнялась въ 1912 г. 745 милл. фун. стерл., изъ нихъ только 186 милл. изъ британскихъ владѣній, т.-е. четверть общаго ввоза. Вывезено было товара всего на 600 милл. фун. стерл.,—изъ нихъ 191,6 милл., т.-е. треть этой суммы, въ колоніи. Ихъ доля, однако, увеличивается, если принять въ расчетъ одни только британскіе продукты. Они составляютъ 177 изъ 477 милл., но тѣмъ не менѣе львиная доля британской торговли падаетъ не на ея колоніи, а на другія государства. Изъ Германіи Англія вывозила больше продуктовъ, чѣмъ изъ своей главнѣйшей колоніи Индіи—на 70 милл. фун. противъ 52 милл. фун. изъ Индіи. Вывозъ ея въ Германію и Индію стоялъ въ 1912 г. на равной высотѣ: 59,6 въ Германію, 59,7 въ Индію.

Въ 1912/13 г. Великобританія потребовала 3.825.000 тюковъ хлопка. Индія поставила только 48.000, Египетъ—351.000, Америка же—3.282.000. По этимъ цифрамъ можно судить, насколько незначительна роль колоній въ смыслѣ снабженія сырымъ матеріаломъ. Области, которыя не являются колоніями и которыя никогда не станутъ таковыми, значительно болѣе цѣнны въ этомъ отношеніи.

Большее значеніе, чѣмъ для вывоза продуктовъ и для снабженія сырымъ матеріаломъ, имѣютъ британскія колоніи для вывоза англійскаго капитала. Но и тутъ преобладаетъ вывозъ въ другія государства. Въ промежуткѣ 1905—1913 г.г. вывозъ акціонернаго капитала въ колоніи составлялъ 539,6 милл., а вывозъ въ другія государства 758 милл. При этомъ британская колоніальная имперія представляетъ собой исключительное явленіе. Области ея, потребляющія наибольшее количество промышленныхъ издѣлій, доставляющія наибольшее количество сырья, являются въ дѣйствительности союзными государствами, не поддающимися сравненію ни съ одной колоніей другихъ державъ. При разсмотрѣніи вопроса о вліяніи колоній на

промышленность и капиталъ метрополіи, слѣдуетъ эти колоніи оставлять въ сторонѣ.

Еще одно обстоятельство нужно принять во вниманіе. Если присмотрѣться ближе къ даннымъ торговли съ колоніями, то эти цыфры отнюдь не говорятъ за то, что торговля съ ними ведется только по той причинѣ, что онѣ— колоніи, и что необходимо было занять ихъ, чтобы получить возможность вести съ ними торговлю. Возьмемъ для примѣра Египетъ, который съ 1883 г. находится подъ исключительнымъ контролемъ Англіи. Развѣ отъ этого факта ея торговля съ Египтомъ увеличилась больше, чѣмъ это имѣло бы мѣсто, если бы Египетъ остался самостоятельнымъ? Этого, конечно, нельзя установить въ точности, но нѣкоторые выводы можно сдѣлать изъ слѣдующихъ цифръ:

Ввозъ изъ Египта.		Общій ввозъ.
	въ милліонахъ фун. стерл.	
Въ 1872 г.	16,5	354,7
» 1912 г.	25,9	744,9
Увеличеніе	9,3=56%	390,2=111%
Вывозъ въ Египетъ.		Общій вывозъ.
Въ 1872 г.	7,3	314,6
» 1912 г.	9,6	599,6
Увеличеніе	2,3=31%.	285,0=90%.

Итакъ, торговля Англіи съ Египтомъ возрастала въ меньшей степени, чѣмъ вся ея торговля въ цѣломъ. У насъ нѣтъ основаній предполагать, что военный протекторатъ Англіи надъ Египтомъ болѣе способствовалъ развитію торговли между ними, чѣмъ бы это имѣло мѣсто при вліяніи однихъ только экономическихъ факторовъ.

Даже рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобы какое-нибудь государство могло, только благодаря колоніямъ, сдѣлать свою промышленность, по отношенію снабженія сырымъ матеріаломъ и сбыту, независимой отъ заграницы. Имперіалисты, лелѣющіе подобныя мечты, этимъ обнаруживаютъ только свое полное невѣжество. Чѣмъ шире развивается торговля страны, тѣмъ больше она, въ смыслѣ полученія сырого матеріала и сбыта промышленныхъ продуктовъ, зависитъ отъ всѣхъ странъ на всемъ земномъ шарѣ. Даже Англія съ ея необъятной колоніальной имперіей не могла бы развивать свою промышленность, если бы не получала сырого матеріала и средствъ пропитанія изъ такихъ странъ, какъ Россія и Соединенные Штаты, которыхъ ни

одна власть въ мірѣ никогда не будетъ въ состояніи превратить въ колоніальное государство. Изъ однихъ только Соединенныхъ Штатовъ Англія получила въ 1912 г. почти столько же продуктовъ, сколько изъ всѣхъ своихъ колоніальныхъ владѣній, вмѣстѣ взятыхъ. Ея ввозъ изъ Соединенныхъ Штатовъ достигаетъ цѣнности въ 135 милл. ф. стерл., а изъ всѣхъ британскихъ владѣній—186 милл. Въ 1907 г. Англія получила на 204 милл. фун. стерл. сырого матеріала, при чемъ ея владѣнія дали ей только немного болѣе четверти—58 милл., а почти три четверти—146 милл.—она получила изъ-за границы.

Всякое стремленіе капиталистическаго государства къ пріобрѣтенію характера колоніальной имперіи, которое обезпечивало бы ей полную независимость отъ другихъ государствъ въ смыслѣ снабженія сырымъ матеріаломъ, заставило бы другія капиталистическія государства объединиться противъ него, что втянуло бы его въ безконечныя истощающія войны, не давая ему возможности осуществить свои цѣли. Такая политика вѣрнымъ путемъ довела бы экономическую жизнь государства до полнаго банкротства.

Не путемъ завоеваній промышленность можетъ обезпечить себѣ доставку сырого матеріала въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ. Этого можно достигнуть только путемъ ускоренія развитія производительныхъ силъ аграрныхъ странъ, при чемъ главнѣйшія изъ нихъ ни при какихъ обстоятельствахъ не могутъ быть превращены въ колоніи—ни Россія, ни Аргентина, ни Соединенные Штаты и даже не Австралія или Канада, насколько можно предвидѣть, также и не Китай. Что же касается Египта и Индіи, то англійское господство надъ ними можетъ быть замѣнено не какимъ-либо другимъ иноземнымъ владычествомъ, а только ихъ полной самостоятельностью.

---

6. Таможенный союзъ и союзъ государствъ.

Таможенный союзъ сыграетъ еще и другую роль при заключеніи мира. Это возвращаетъ насъ къ исходному пункту нашего изложенія, къ вопросу о государственномъ расширеніи. Оно стало, по утвержденію многихъ, насущной задачей для европейскихъ государствъ. Рамки національныхъ государствъ стали слишкомъ тѣсны.

Въ этомъ безусловно есть большая доля истины. Рядомъ съ такими гигантами, какъ Британская и Россійская имперіи, или Соединенные Штаты Америки, для маленькихъ государствъ борьба за существованіе становится все труднѣе.

Размѣры каждой изъ вышеназванныхъ крупныхъ державъ, къ которымъ въ скоромъ времени можно будетъ причислить и Китай, имѣютъ весьма существенное значеніе для развитія ихъ промышленности. Не потому, что, по мнѣнію многихъ, каждая сама по себѣ является самодовлѣющей въ экономическомъ отношеніи—ни одна изъ нихъ не способна къ этому—а потому, что каждая изъ нихъ имѣетъ къ услугамъ своей промышленности громадный внутренній рынокъ, дающій ей возможность организоваться въ громадные концерны, способные, благодаря своей колоссальной финансовой силѣ и техническимъ преимуществамъ гигантскаго предпріятія, успѣшно конкурировать въ предѣлахъ и внѣ предѣловъ своего государства. Въ подобномъ расширеніи внутренняго рынка, какъ наиболѣе твердой основы для промышленности, нуждается также и промышленность Средней Европы, чтобы быть въ состояніи вступить при одинаковыхъ условіяхъ въ конкуренцію съ другими. До сихъ поръ внутренняго рынка Германіи было достаточно для развитія ея промышленности въ такой степени, чтобы успѣшно конкурировать на міровомъ рынкѣ. Но это постепенно мѣняется. Въ этой плоскости, а не въ завоеваніяхъ новыхъ колоній или сферъ вліяній лежитъ современная проблема не только промышленности Германіи, но и ея сосѣдей.

Лежитъ ли разрѣшеніе этой проблемы въ превращеніи

національнаго государства въ государство національностей? Это означало бы, что потребности дальнѣйшаго капиталистическаго развитія стоятъ въ противорѣчіи съ потребностями демократіи, которая, какъ мы видѣли, можетъ осуществиться только въ національномъ государствѣ. Пролетаріатъ можетъ добиться своихъ правъ только на основѣ демократіи, онъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ отказаться отъ нея. Но онъ былъ бы поставленъ передъ тяжелой дилеммой, если бы ему пришлось стать поперекъ пути экономическому развитію, или же способствовать этому развитію цѣной отказа отъ политическаго развитія.

Но, къ счастью, онъ вовсе не поставленъ передъ такой дилеммой. Превращеніе національнаго государства въ государство національностей путемъ завоеванія сосѣднихъ областей является только однимъ изъ средствъ расширенія внутренняго рынка, но средствомъ, вызывающимъ наибольшіе расходы и опасности, стоящимъ въ полномъ противорѣчіи съ демократическими потребностями широкихъ массъ, тормозящимъ политическое развитіе и создающимъ тѣмъ больше внѣшнихъ и внутреннихъ сопротивленій и треній, чѣмъ шире имъ пользуются.

Національное государство не сложилось такимъ путемъ, что община, постепенно разрастаясь, поглощала другія общины, а путемъ объединенія различныхъ общинъ въ одно цѣлое съ сохраненіемъ равноправія и съ самоуправленіемъ для каждой общины въ отдѣльности.

Лучшимъ и наиболѣе надежнымъ средствомъ для расширенія внутренняго рынка является не превращеніе національнаго государства въ государство національностей, а объединеніе различныхъ національныхъ государствъ на равныхъ началахъ въ одинъ союзъ государствъ. Союзъ государствъ а не государство національностей или колоніальная имперія, является той формой большихъ имперій, въ которой нуждается капитализмъ для достиженія своей послѣдней высшей степени развитія, когда пролетаріатъ осуществитъ свою конечную цѣль.

Такой союзъ можетъ вылиться въ самыя различныя формы—онъ можетъ также стать союзомъ союзовъ. Такая форма наиболѣе эластична и способна къ безконечному расширенію, вплоть до мірового союза. Соединенные Штаты образовали первый союзъ подобнаго рода. Британская имперія обязана своей силой своевременному превращенію своихъ наиболѣе быстро развивающихся колоній въ союз-

ныя государства. Превращеніе Россіи въ демократическое государство должно будетъ сопровождаться одновременнымъ превращеніемъ ея изъ единаго централистическаго государства въ союзъ автономныхъ національныхъ государствъ.

Австрія стоитъ передъ такой же дилеммой. Для всѣхъ государствъ Европы, расположенныхъ между Россіей и Англіей, постепенно возникаетъ потребность въ болѣе тѣсномъ объединеніи.

Толчкомъ къ образованію Соединенныхъ Штатовъ Европы послужилъ бы таможенный союзъ между Германіей и ея сосѣдями. При какихъ условіяхъ можно осуществить эту цѣль, которую слѣдуетъ привѣтствовать отъ всей души? Нѣкоторые указываютъ на нѣмецкій таможенный союзъ, подготовлявшій съ 1833 г., подъ главенствомъ Пруссіи, германское союзное государство. Однако, нынѣшніе сторонники средне-европейскаго союза упорно упускаютъ изъ виду, что нѣмецкій таможенный союзъ былъ обязанъ своимъ существованіемъ и вліяніемъ только тому обстоятельству, что онъ былъ построенъ на основѣ свободной торговли. Установленныя имъ пошлины были очень низки, и своего крупнаго вліянія на развитіе нѣмецкой промышленности онъ достигъ не путемъ закрытія дверей передъ заграницей, а отмѣной всѣхъ преградъ и препятствій внутренняго сообщенія, что создало прочный фундаментъ для внутренняго рынка, въ которомъ именно и нуждалась нѣмецкая промышленность. Только на основѣ свободной торговли могъ осуществиться таможенный союзъ.

Всякое повышеніе пошлинъ на любой продуктъ означаетъ не только выгоду для производителя, но и ущербъ для потребителя и ущербъ для другихъ отраслей производства, если этотъ продуктъ является средствомъ производства. Всякое повышеніе пошлины вызываетъ такое же требованіе и со стороны другихъ заинтересованныхъ отраслей производства въ пользу ихъ продуктовъ. Введеніе охранительнаго тарифа для какихъ-нибудь продуктовъ вызываетъ всякій разъ конкуренцію отдѣльныхъ отраслей производства изъ-за благожелательности законодательныхъ факторовъ. Но всѣхъ удовлетворить абсолютно невозможно. Добиваются своей цѣли обычно только наиболѣе вліятельныя въ политическомъ отношеніи отрасли производства, которыя въ то же время являются и наиболѣе сильными въ экономическомъ отношеніи. Это одинаково относится къ отдѣльнымъ отраслямъ производства, какъ и къ отдѣльнымъ областямъ, развитіе и процвѣтаніе которыхъ

связано съ той или другой отраслью производства. И въ данномъ случаѣ наиболѣе вліятельныя и сильныя имѣютъ лучшіе шансы. Охранительныя пошлины, долженствующія защищать интересы слабыхъ, въ дѣйствительности являются привиллегіей сильныхъ за счетъ слабыхъ.

Всякое повышеніе пошлины создаетъ поэтому противорѣчія, которыя въ концѣ-концовъ могутъ быть преодолѣны только государственнымъ вмѣшательствомъ, поскольку онѣ не поддаются устраненію путемъ добровольнаго соглашенія.

Уже по этому одному нѣмецкій таможенный союзъ не былъ возможенъ на основѣ охранительныхъ пошлинъ.

Одновременно съ Пруссіей и ея соперница Австрія стремилась къ созданію таможеннаго союза, долженствующаго охватить всю Германію и Австрію, но на основѣ охранительныхъ пошлинъ, изъ-за чего этотъ планъ потерпѣлъ крушеніе. Австрія была вынуждена только для себя ввести охранительныя пошлины, чѣмъ она отрѣзала себя отъ остальной Германіи и подготовила свой политическій разрывъ съ нѣмецкимъ союзомъ.

Не иначе обстоятъ дѣла и сейчасъ. Для Германіи пробилъ теперь въ дѣйствительности «роковой часъ»,—выражаясь общепринятымъ съ начала войны терминомъ. Она нуждается въ расширеніи своего внутренняго рынка, т.-е. въ устраненіи всѣхъ ограниченій въ транспортѣ и отмѣнѣ таможенныхъ пошлинъ между ней и ея сосѣдями. Но это достижимо только на базисѣ свободной торговли. Только благодаря свободной торговлѣ мелкія европейскія государства могли со сихъ поръ отчасти компенсировать отсутствіе большого внутренняго рынка. Отъ этого базиса они и впредь ни въ коемъ случаѣ не откажутся.

Но свобдная торговля еще не является единственнымъ условіемъ. Опытъ показываетъ—весьма легко доказать, на какомъ основаніи—что въ періодъ развивающейся демократіи прочное объединеніе различныхъ государствъ въ одинъ государственный организмъ возможно только на демократической основѣ—на основѣ демократическихъ стремленій и демократическаго строя во всѣхъ участвующихъ въ этомъ союзѣ государствъ.

Когда въ концѣ 18 столѣтія американскія колоніи освободились отъ власти Англіи, онѣ только потому такъ легко поддались объединенію въ союзное государство, что, какъ цѣлое, такъ и части, были организованы на демократическихъ началахъ. Мы видѣли выше, какъ государственный союзъ союзныхъ государствъ Британіи могъ осуществить-

ся только на этой основѣ. Его расширеніе зависитъ отъ того, удастся ли демократическимъ элементамъ метрополіи взять верхъ надъ имперіалистическими политиками насилія.

Подготовкой къ образованію Германской имперіи послужилъ не только сѣверо-германскій таможенный союзъ, но и уступка, сдѣланная демократія, въ видѣ всеобщаго и прямого избирательнаго права.

И теперь осуществленіе желаннаго средне-европейскаго таможеннаго союза, или даже союза государствъ будетъ зависѣть отъ силы, которую проявятъ въ этихъ государствахъ, въ особенности, въ томъ, вокругъ котораго будутъ группироваться остальныя, тѣ классы и партіи, которые написали на своемъ знамени требованія свободной торговли и полной демократіи. Имперіалистическая политика является сильнѣйшимъ препятствіемъ для этого прогресса, столь необходимаго для промышленнаго развитія Германіи.

Внутренняя и внѣшняя политика находятся во взаимодѣйствіи другъ съ другомъ. Одна можетъ принудить другую къ перемѣнѣ курса. И несмотря на то, что міровая война сама по себѣ и по своимъ слѣдствіямъ означаетъ сильнѣйшій переворотъ—въ политику соціальдемократіи она не должна внести никакихъ измѣненій. Напротивъ, всѣ тѣ требованія, которыя въ случаѣ осуществленія привели бы къ прочному миру, даровали бы воюющимъ теперь народамъ свѣтъ и просторъ для дальнѣйшаго развитія, подняли бы Германію и ея сосѣдей на болѣе высокую ступень государственнаго бытія.—Эти всѣ требованія соціальдемократія уже издавна отстаивала и продолжаетъ это дѣлать и понынѣ: борьба противъ завоевательной политики и вооруженій, свободная торговля, сближеніе народовъ, полная демократія—это все является существенными основами соціальдемократическаго мышленія и воли. Мы должны только остаться вѣрными себѣ и тогда наши стремленія будутъ заключать въ себѣ лучшее, что можетъ быть достигнуто въ исходѣ войны для Германіи и для всѣхъ народовъ земного шара.

Нашъ успѣхъ въ будущемъ зависитъ не только отъ насъ, а также отъ соотношенія силъ къ концу войны. Но какія бы формы въ дѣйствительности ни принялъ миръ, довѣріе къ намъ трудящихся массъ, довѣріе всѣхъ стремящихся къ прочному миру и благосостоянію народовъ будетъ послѣ войны тѣмъ сильнѣе, чѣмъ энергичнѣе мы будемъ отстаивать нашу программу, чѣмъ меньше будемъ отклоняться отъ нея въ сторону.

Не слѣдуетъ смущаться кажущимся противорѣчіемъ, заключающимся въ исторической задачѣ соціальдемократіи. Она должна, съ одной стороны, защищать интересы пролетаріата противъ капитализма, бороться съ послѣднимъ, а съ другой стороны, способствовать развитію экономическихъ силъ, что, пока общество не устроено на соціалистическихъ началахъ, по необходимости приводитъ къ поощренію капитализма. Мы должны одновременно бороться съ нимъ и поощрять его. Какъ это возможно?

Это возможно потому, что существуютъ различные способы поощренія развитія капитализма. Побудительная сила капитала—прибыль: «безъ прибыли ни изъ одной трубы дымъ не пойдетъ». Увеличеніе прибыли—вотъ лозунгъ капитала. Это увеличеніе достигается двоякимъ путемъ: во-первыхъ, повышеніемъ производительной силы труда. Чѣмъ производительнѣе трудъ рабочаго, тѣмъ больше избытокъ надъ стоимостью производства рабочей силы, тѣмъ больше, слѣдовательно, можно у него отнять, тѣмъ больше—прибыль. Другой методъ заключается въ томъ, чтобы выжимать изъ рабочаго по возможности болѣе, не повышая въ то же время его производительной силы. Изъ этихъ двухъ методовъ второй—наиболѣе удобный, простой и дешевый. Онъ не требуетъ ни особыхъ расходовъ, ни особаго ума. Онъ является только вопросомъ силы. Къ этому методу относится пониженіе заработной платы, удлиненіе рабочаго дня, поднятіе цѣнъ на съѣстные припасы путемъ косвенныхъ налоговъ или аграрныхъ пошлинъ, повышеніе квартирныхъ цѣнъ и арендъ на землю, поскольку она не находится въ рукахъ капиталистическихъ арендаторовъ, а обрабатывается рабочими для собственнаго потребленія.

Къ первому методу относятся введеніе новыхъ усовершенствованныхъ машинъ, лучшихъ формъ организаціи производства и сбыта, замѣна мелкихъ предпріятій болѣе крупными, постройка или усовершенствованіе путей сообщенія, распространеніе образованія среди рабочихъ, забота объ ихъ физическомъ развитіи, научная постановка производства.

Второй методъ можетъ временно ускорить экономическое развитіе путемъ быстраго увеличенія капитала, но въ концѣ-концовъ онъ будетъ оказывать задерживающее дѣйствіе на этотъ процессъ, вслѣдствіе ухудшенія главнаго средства производства—рабочей силы. Нѣкоторыя средства перваго метода могутъ по временамъ приносить рабочему классу большія страданія, но они подготовляютъ

матеріальную основу, на которой только и можетъ совершиться освобожденіе труда. Второй методъ при всякихъ обстоятельствахъ вредитъ рабочимъ, при первомъ же методѣ вслѣдствіе растущей производительности труда и даже вопреки одновременно увеличивающейся эксплуатаціи возможны матеріальныя улучшенія не только для капиталистовъ, но и для рабочихъ.

Мы не можемъ препятствовать введенію средствъ увеличенія прибыли перваго метода. Мы только должны заботиться о томъ, чтобы ихъ введеніе не вредило рабочимъ, но, наоборотъ, чтобы рабочіе могли участвовать въ выгодахъ нововведенія. Противъ же средствъ второго метода мы должны бороться во всякомъ случаѣ всѣми силами. Чѣмъ сильнѣе сопротивленіе рабочихъ, чѣмъ болѣе сильныя препятствія будетъ въ этомъ случаѣ встрѣчать капиталъ на своемъ пути, тѣмъ скорѣе онъ увидитъ себя вынужденнымъ пойти по другой дорогѣ, остающейся единственно свободной для увеличенія прибыли—поднять производительность труда.

Такимъ путемъ соціальдемократія разрѣшаетъ видимое противорѣчіе ея исторической задачи: она борется противъ капитализма и въ то же время содѣйствуетъ его развитію.

То же самое мы должны примѣнить и по отношенію къ имперіализму. Послѣ всего изложеннаго нами не можетъ оставаться никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ принадлежитъ къ методамъ второго рода, поскольку онъ стремится насильственнымъ путемъ подчинить себѣ и эксплуатировать рабочихъ сельскохозяйственныхъ странъ. Временно это можетъ ускорить экономическое развитіе, но, въ концѣ-концовъ, будетъ вредить ему.

Опасность имперіализма для рабочихъ не уменьшается оттого, что онъ направленъ не противъ рабочихъ своей страны, а противъ заграничныхъ рабочихъ въ своихъ колоніяхъ или другихъ индустріальныхъ странахъ, которыхъ онъ выставляетъ конкурентами отечественной колоніальной политики. Имперіализмъ говоритъ рабочимъ своей страны, что имъ тоже выгодно увеличеніе эксплуатаціи ихъ собратьевъ въ колоніяхъ, и что ихъ товарищи изъ другихъ промышленныхъ странъ завидуютъ имъ въ этомъ и, слѣдовательно, они—ихъ враги, противъ которыхъ нужно употребить силу. На дѣлѣ же нѣтъ ничего болѣе иллюзорнаго, чѣмъ такія преимущества рабочихъ имперіалистическихъ странъ. Разоренные заграницей крестьяне и лишившіеся заработка рабочіе иммигрируютъ къ нимъ и по-

нижаютъ заработную плату. Какъ болѣе дешевые рабочіе, они могутъ вызвать ненависть къ себѣ со стороны мѣстныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ, имперіализмъ означаетъ и для якобы привиллегированныхъ рабочихъ своего государства пониженіе зароботной платы, расколъ между рабочими, затрудненіе ихъ классовой борьбы. Онъ отвлекаетъ ихъ отъ соціалистическихъ идеаловъ, разрушаетъ ихъ международную солидарность, обманывая рабочихъ обѣщаніемъ мелкихъ выгодъ, которыя, если бы онѣ и наступили, были бы очень кратковременны и должны были бы закончиться еще большимъ ослабленіемъ и обремененіемъ рабочаго класса.

И потому къ имперіализму мы должны относиться точно такъ же, какъ къ пониженію заработной платы, удлиненію рабочаго дня, повышенію цѣнъ на съѣстные припасы путемъ налоговъ и пошлинъ и т. д. Мы должны бороться противъ имперіализма не съ цѣлью препятствовать экономическому развитію, а съ цѣлью заставить капиталистовъ поискать другихъ путей для увеличенія прибыли и области экономической эксплуатаціи, поднятія вывоза продуктовъ промышленности, ввоза сырья и пищевыхъ веществъ. Пусть они достигаютъ этого не путемъ имперіализма, а требующими болѣе ума средствами демократіи и свободнаго обмѣна продуктовъ. Такія средства открываютъ экономическому прогрессу свободный путь, а одновременно и укрѣпляютъ рабочій классъ физически, духовно и политически.

Нѣтъ ничего болѣе ошибочнаго, какъ думать, будто матеріалистическое пониманіе исторіи воспрещаетъ противиться имперіалистическимъ методамъ, разъ существуетъ самый капитализмъ. Наоборотъ, такое сопротивленіе оно считаетъ важнѣйшей задачей рабочаго класса въ наше время.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Стр.

1. О демократіи и національномъ государствѣ . . . 3
2. Необходимость имперіалистическаго государства . 15
3. Причины аггрессивной политики. 25
4, Различные виды и объекты имперіализма:
   а) Британскій союзъ государствъ 42
   б) Остъ-Индія 49
   в) Африка 58
   г) Китай 63
   д) Турція 67
   е) Міровая война 74
5. Торговые договоры. 81
6. Таможенный союзъ и союзъ государствъ 86

Книгоиздательство „ДѢЛО“.

Вышли изъ печати и продаются:

К. Каутскій. Средняя Европа, пер. съ нѣм., съ предисл. *А. Потресова.* Ц. 60 к.

С. Н. Прокоповичъ. Война и народное хозяйство. Ц. 3 р.

К. Каутскій. Національное государство, имперіалистское государство и союзъ государствъ, авторизов. перев. съ нѣмецк. Т. Р. Ц. 85 к.

Готовятся къ печати:

Гр. Петровичъ. Примирительныя камеры.

Ж. Жоресъ. Новая армія

А. Левенштейнъ. Рабочій вопросъ.

М. Вельтманъ. (*Мих. Павловичъ*). Имперіалистическій интернаціоналъ.

А. Понсонби. Демократія и дипломатія, перев. съ англ.

На складѣ книгоизд. имѣются книги:

А. Потресовъ. Интернаціонализмъ и космополитизмъ (2 линіи демократич. политики). Ц. 75 коп.

П. Масловъ. Теорія развитія народнаго хозяйства, ц. 2

Въ скоромъ времени поступитъ на складъ книга:

Ф. Гиббсъ. Душа войны (*впечатлѣнія корреспондента съ западнаго фронта*).

Адресъ книгоиздательства «Дѣло»: Москва, Трубная ул., д. 33, кв. 5. Тел. 3-92-85.

Открыта подписка на 1917 годъ

НА ДВУХНЕДѢЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

2-й годъ изданія. **„ДѢЛО“,** 24 №№ въ годъ.

Издающійся въ г. *Москвѣ*, при ближайшемъ участіи *П. Маслова*, *Л. Ортодоксъ и А. Н. Потресова.*

Условія подписки съ пересылкой: на 1 годъ—**10** р., на $^1/_2$ года—**5** р. **50** коп., на 3 мѣс.—**3** р., на 1 мѣс.—**1** р. *Заграницу*: (съ пересылкой) — на 1 г.—**12** р., на $^1/_2$ г.—**6** р. **50** к., на 3 мѣс.—**3** р. **25** к., на 1 мѣс.—**1** р. **10** к. Цѣна комплекта за 1916 г. (10 №№)—**4** р. **10** коп. съ пересылкой.

При непосредственномъ обращеніи въ Главную Контору журнала для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, народныхъ учителей, крестьянъ и рабочихъ допускается льготная подписка: на 1 г.—**9** р., на $^1/_2$ г.—**5** р., на 3 мѣс.—**2** р. **50** к., на 1 мѣс.—**90** коп.

Цѣна отдѣльнаго номера—55 коп.

Цѣна объявленій: обложка — **80** руб. страница, **45** р. — $^1/_2$ стр.
Позади текста: страница—**50** р., $^1/_2$ стр.—**30** р., $^1/_4$ стр.—**18** р.

Продолжается подписка на журналъ

„Экономическое Обозрѣніе“

при ближайшемъ участіи **П. П. Маслова**

Подписка принимается только на весь годъ.

Цѣна на 1 годъ съ пересылкой и доставкой—6 р. За границу—10 р.

Учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, народнымъ учителямъ, крестьянамъ, рабочимъ и служащимъ общественныхъ учрежденій, *при непосредственномъ обращеніи въ Главную контору журнала*, цѣна на 1 годъ съ пересылкой и доставкой – 5 руб. 50 коп.

Цѣна отдѣльнаго номера въ розничной продажѣ 1 р. 50 к. Пересылка по дѣйствительной стоимости.

Адресъ редакціи и Главной Конторы: Москва, Трубная ул., д. № 33, кв. 5, телеф. 3-92-85.